А. Черняев

Проект.

Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1988 год.

1988 год.

3 января 88 г.

Я в санатории «Сосны».

Читаю «Жизнь и судьбу» Василия Гроссмана (пока в тамиздате). Поистине – «война и мир». И тоска по «перестройке». Это – в 1960 году!

28 декабря умер Лешка Козлов – прекрасный парень и один из талантливых консультантов Международного отдела. 30-го – хоронили. Поминки. Разговоры – Аскольдов, я, консультанты. О Леше и о Добрынине, которым все недовольны. Я наговорил лишнего – в частности, что М.С. уже раз обещал отобрать консультантскую группу у Добрынина и передать мне.

М.С. дал мне «домашнее задание» на отпуск: на свежем воздухе, на лыжах, говорит, и мысли могут придти свежие... Это – к Пленуму ЦК по школе, где он хочет выступить об идеологии. Дело чрезвычайно назревшее. Свободы мысли уже накоплено столько, что пора синтезировать. Импульсы доклада о 70-летии дали мощные всходы, загнав в панику Лигачева и К°... И думаю, на Пленуме, где он докладчик, он попытается «остановить» и «возвратить». Именно поэтому, М.С. хочет выступить и сам. Подсказывал: «на наших ценностях». А каковы они, эти наши ценности, когда даже главная ценность – что такое социализм, стали непонятной в основе основ?

Вот сегодня только что по TV: «Встречи деловых людей». Из пяти районов европейской России: семейный подряд, подрядное звено, кооператив, арендная группа и т.д. Как я порадовался! Идеи М.С. прорываются в самых разнообразных формах под девизом: «свободный труд свободного человека». А трое инженеров из Москвы, которые взяли в аренду ферму на 120 телят, заговорили о собственности на землю для них. И райком их поддерживает. А профессор, доктор экономических наук, консультант сельско-хозяйственного отдела ЦК блестяще отстаивал все эти их идеи и апеллировал к Западу, где семейные фермы, «мелкое товарное хозяйство» никак не противоречат современной индустриализации сельского хозяйства и дают чудеса производительности.

Это я к тому, о каких идейных ценностях надо заботиться, когда главная ценность – отрицание частной собственности зашаталась?!

Значит, общечеловеческие, т. е. Христианские 10 заповедей? А, может быть, в этом и есть смысл истории, когда, наконец, спустя 2000-летия человечество - через

страдания фашизма, сталинизма, через Хиросиму и Чернобыль – получает возможность их реализовать на деле!

У М.С.'а, наверно, все не случайно. В Книгу его надо очень вдуматься. Там есть пассажи, которые выдают, что он действительно готов пойти далеко и склонен попрать все догмы, табу и проч. «ценности» извращенного Сталиным социализма.

Недаром он дважды уже «выпустил» публично, что будем отмечать 1000-летие крещения Руси!

И руководствоваться он, судя по всему, собирается исключительно здравым смыслом нормального интеллигентного, умного и доброго человека.

Он назван во всем мире «человеком года». Поразительно, как история вынесла его на самый верх современного мира. И, общаясь с ним повседневно, находясь в ослеплении от его действительно натурального демократизма, иногда забываешь, с кем, собственно, ты так запросто имеешь дело! Вот так, вблизи, трудно представить себе, что это – большой человек. А ведь он действительно велик, как фигура историческая.

Лешка не выходит из головы: неотвязно... в чем же смысл всего, если вот так...даже, когда все вокруг искренне огорчены, опечалены, и для которых смерть его – «утрата»... Но... увы! Легко преодолимая. И всё – на круги своя... для какого-то «высшего» смысла жизни. Из круга банальностей здесь не выпрыгнешь. И, однако! Неужели же вся жизнь – банальность?

<u>4 января 88 г.</u>

«Правда» начала дискуссионную страницу. Откликается на падение своего тиража - у единственной из центральных газет. Перестройка начинает настораживать даже Афанасьева, хотя он в нее не верит и сделает ставку на Лигачева.

... Но «учитывает» и Яковлева, ибо пока есть М.С., Яковлев будет набирать в перестройке идеологии. А он уже публично, на всесоюзном совещании редакторов газет сказал, что «Правда» идет не в ногу с перестройкой. Лигачев потом поправил Яковлева: вернувшись из Франции посетил «Правду», беседовал с составом, после чего Афанасьев распространил по Москве, что в «ЦК есть и другое мнение». В Москве это интерпретировали так: «Яковлев, мол, по заявлению Лигачева, выступал не от имени Политбюро». Вот такие игры.

М.С. это все видит. Его разговор с Разумовским – Вильнюс-Москва... Расстроен. Но – опять обошлось. Ельцин тут очень навредил, зацементировал дорожку...

6 января 88 г.

Разговор Сталина с Будякиным… из «Жизни и судьбы» Гроссмана. Подхожу к концу. И наполненность ею нарастает. Сегодня- отклик Казурина на публикацию в «Знамени» Шатрова «А дальше, дальше». Там есть такая фраза: «И он (Сталин) останется на сцене до тех пор, пока каждый из нас до конца не выяснит с ним отношений». Так вот: для этого надо, чтоб каждый прочел Василия Гроссмана, великую книгу обо всей нашей сталинской эпохе. (Все еще не верится, что ее вот так, целиком, и дадут в «Октябре»).

Вчера ездил в Звенигород. Чеховский провинциальный городок…, каким был, таким остался. С признаками, конечно, советской жизни. И это еще раз убеждает: люди живут для себя, а не для государства, не для «большой идеи». С этим ничего не поделаешь. Перестройка может улучшить их жизнь, скажем, до уровня Финляндии (хотя сейчас это кажется невероятным!) И тогда совсем всякая идея исчезнет. Но такая идея – как у Сталина, не дай Бог.

А ведь у Платонова… идея, общая идея была… Но какая она, если все будут жить «хорошо»? Зачем она людям…

7 января 88 г.

Закончил книгу Гроссмана. Состояние трудно определить. Тяжесть и безнадежность. Но не только по поводу истории страны, как она предстала после всех разоблачений за годы перестройки и в концентрированном виде атаковала меня этой книгой, заставляя иначе думать «по поводу» самого себя. Мучит бессмысленность собственной жизни. Вроде бы можно быть довольным: помощник Генсека… (и какого Генсека!), который начал по-настоящему ломать сталинизм. И вроде бы оказался при деле, подошел ему, в чем-то сумел помочь. А неудовлетворение грызет… «стратегическое» недовольство собой (если пользоваться терминологией Мао). Поток новогодних поздравлений (наверно, за сотню перевалило, большинство я даже не распечатывал) – усилили это ощущение. Понимаю бюрократическую формальность этой процедуры – от членов ПБ (кроме Лигачева), от министров и им подобных, со многими из которых мы даже не знакомы. Но тем горше ощущение несоответствия того, за кого меня принимают, с тем, что на самом деле. Тут и другой оттенок есть: они полагают, что «так нужно» - поздравить помощника Горбачева. Считают, что тем самым они ставят адресата либо на свой уровень, либо подчеркивают его более высокий уровень. А ему, адресату, начхать на все это. Он презирает эту растрату почтовых расходов. Ему противна сама эта

процедура официальной значительности. Она его даже угнетает, т.е. невольно подчеркивает его принадлежность к «колоде», к «клану», к «элите». А он не верит в эту свою принадлежность. И не хочет, чтоб вообще существовала такая элита и такая атмосфера в этом слое при власти. Он не ощущает за собой никакой власти, кроме доброго расположения М.С., который иногда идет навстречу его интеллигентским вкусам и предпочтениям.

То, что я чураюсь фигурять «рядом» - на официальных церемониях и в прессе – некоторые воспринимают, как скромность, другие – как игру в скромность. А на самом деле меня просто угнетают эти рауты и «протоколы». И особенно нетерпимо для меня подсаживаться в сани не по чину, пользуясь тем, что у меня там есть постоянное место.

И, как редко бывает, пытаюсь проецировать прочитанное на свою жизнь и судьбу, определить, какое же мое место было и есть во всем этом. И неужели же, действительно, наконец, страна начинает становиться нормальной,… выстрадав Горбачева.

Но ведь те люди, которые ее столько десятилетий уродовали и калечили, физически и морально, многие еще живы – и при хорошей пенсии. А главное – они «наплодили» (через атмосферу и весь стиль, механизм общественной жизни) многие миллионы потомков во всех поколениях. И остается еще обширнейшая болотная почва не просто невежества, бескультурья, самой настоящей безграмотности, - почва, способная в один миг (как в 20-ые и 30-ые годы) выделить из своей среды необходимое количество ежовых, берий и проч. т.п.

И есть силы страшного консерватизма в самом верху во главе с Лигачевым, которые не остановятся перед тем, чтобы воспользоваться услугами этих сталинистских последышей, которые, может, сами не знают, что они таковыми являются.

Словом, прав автор одной из газет… «Смотрите, они нам (перестройщикам) не простят»..

М.С. это понимает. Но одним благородством плотину против этого болота и его обитателей не построишь. Александр Николаевич (Яковлев) несколько нервный и часто мелочится. Но он острее видит опасность.

Ну, так вот: М.С. поручил на досуге подумать об идеях, которые следовало бы обозначить на Пленуме, посвященном реформе школы (с докладом Лигачева). Так ведь это же – на «эту тему»! Об этой опасности, о которой я пишу. И что же? Две недели, как на досуге думаю, а ничего, собственно, не придумал, кроме того, что уже есть в газетах и журналах.

26 марта 88 г.

Несколько дней и ночей, когда не спалось, корил себя: почему не пишу. Преступление ведь перед историей. Открыл диктовки К. Симонова в «Знамени» № 3. Они посвящены Сталину. Но он видел или разговаривал со Сталиным по телефону всего 5 раз. А я общаюсь с великим человеком почти каждый день…

Так вот – дисциплинарно решил хотя бы пометочно записывать каждый свой контакт с Горбачевым. Потом, может, удастся восстановить. Записывать подробно, как в былые времена, нет сил: за день столько понаписываешь, а приходишь домой в 9-10 часов вечера измочаленный, а тут надо читать газеты и журналы. Теперь нельзя не читать. Такая «эпоха», которая войдет на века в историю страны.

Хочется начать, может быть, даже с события переломного.

В четверг 24.03. было ПБ (во время съезда колхозников). Около 50-ти секретарей обкомов.. Браун, Демиденко из Казахстана. Этот, выступая называет звеньевых и бригадиров в колхозах и совхозах. И там подряд – Гроц, Франк, Фриц… «такие вот у меня там фамилии», комментирует он себя. Зал смеется.

… Бросилось в глаза: М.С. не знал, что, если спущен госзаказ, почему штрафуют за его невыполнение. Ведь по закону о предприятии, если ты не заключил договор, ты не несешь ответственности и за выполнение чего-то…

Я увидел, что он пребывает «в обаянии» принятых решений. И секретари обкомов и Бирюкова объясняли ему, что все по-прежнему, ибо госзаказ – что план, даже «строже»…

… М.С. предложил перейти членам ПБ в зал заседаний Секретариата ЦК (из мраморного зала)

Текучка. Потом он попрощался с посторонними, остались только члены, кандидаты, секретари ЦК.

Я полагал, что речь пойдет о Нагорном Карабахе (26-го намечены митинги и проч. в Ереване).

Но на другой день, в пятницу звонит Яковлев. Иду, говорит, на продолжение вчерашнего ПБ. А вчера, как вы ушли, М.С. поставил на обсуждение статью Нины Андреевой в «Советской России». Началось все за чаем в Кремлевском дворце во время перерыва съезда колхозников. Затеял разговор Воротников… и М.С. почему-то вспыхнул: раз так, давайте объяснимся, что-то между нами происходит… И тут же предложил поговорить о статье по окончании ПБ.

Яковлев продолжает: первый выступил Громыко. Молол невнятное. Единственно, что я, мол, понял, что он не полностью одобряет статью. Потом Воротников оправдывался

за что-то (я не понял) неудачно сказанное за чаем в Кремле. Потом решился я. Иначе, думаю, дадут оценку раньше, чем увидят, как можно интерпретировать статью. И разложил ее по косточкам – как антиперестроечный манифест, местами прямо против позиций, публично изложенных Горбачевым. Все насторожились, видимо, до них не дошло, когда читали статью. Лигачев слушал, красный, как рак. Взял слово и стал врать: да, мол, к нему приходил Чикин (редактор «Советской России»), а больше он к этой статье отношения не имел. Клялся попутно в преданности перестройке и Горбачеву. На самом деле все не так… Эта Нина Андреева, действительно, прислала жалкое письмишко на полторы страницы в защиту сталинистских ценностей. В ответ к ней в Ленинград была по указанию Лигачева послана бригада, которая дописала… так, что ни один человек не может поверить, что такую полосу могла сочинить преподавательница химтехинститута…

Лигачев на совещании редакторов в ЦК размахивал статьей и говорил: вот линия партии. В цензуру из его окружения поступило указание – запретить печатать что-либо с критикой, с несогласием с этой статьей. (И, действительно, прорвалось лишь в «Московских новостях». Фалин мне звонил – лакмусовая бумажка). Адамович приходил: целые, говорит, брошюры нового «самиздата» из статей против Нины отвергнуты в разных редакциях!

На политдне на Трубной тысяче агитаторов-пропагандистов было сказано, что статья – директивная. К Лигачеву – поток благодарностей и восторгов из провинциальных обкомов и райкомов: «Спасибо! Дождались, наконец, слова партии! Пора кончать с этими очернителями!»..

А на ПБ, глядя в глаза Генсеку, Егор Кузьмич говорит, что он не имел отношения к статье.

28 марта 88 г.

Звонит Яковлев. Спрашиваю, нужно ли ему то, что принес Губенко от Любимова из Мадрида, это я передал М.С. - о «заезде» Любимова в СССР?

- Не надо, говорит, - я согласился – пусть «Известия» даст его интервью. - Может, намылят мне шею, но думаю, не ввязывать его в это.

Потом, когда я спросил у М.С. – читал ли он. - Нет, не читал. А зачем? Я вообще за то, что все, кто хочет, пусть катятся. Широко открыть им двери. И… кому мы считаем, что им там место - тоже туда. А Любимов? Зачем он нам?! - И перешел на ёрничество, из которого я понял, что сам он заниматься «этим» не будет: как получится, так пусть и идет.

Поговорили о завтрашней встрече с Наттой и К° (генсек итальянской компартии). «Через секунду позвони всем помощникам сразу: в 16-30 собираю всех завов (отделами) и вы будете. Ничего с собой не надо, кроме ушей». (Я это так понял, что нельзя записывать. Однако… не так).

Собрались. Но Яковлев меня уже предупредил, о чем речь – о статье Нины Андреевой в «Советской России», как и два закрытых ПБ в четверг и в пятницу.

Спрашиваю: Как? В ничью?

Он: «Ну, что ты! Двухдневная порка была (Лигачева!)». И такой весь радостный, А.Н., довольный.

М.С. начал с XIX партконференции. Давать ли тезисы на всенародное обсуждение. Или – внутри партии. Пусть сама разберется сначала? Подумайте, мол. От этого зависит и характер тезисов.

Конференция должна стать мощным толчком всем процессам перестройки. И требуется все обдумать: ход перестройки и меры по ее углублению. Как подойти в практическом плане к созыву конференции. Как доклад готовить… Ну, это-то мы сделаем. А вот как партию подготовить к конференции. Нужна будет очень острая самокритика: как выполняются постановления Пленума, «единство слова и дела», соблюдаем ли?! Что сделано и что провалено и кто ответственен за это. Думать надо и в плане доделки несделанного – и в оставшиеся месяцы, и в плане анализа проделанного. Что выполнили-не с точки зрения объемов, а новыми методами, выполнили ли договора.

Нужно сказать и о достижениях – экономических, политических, социальных. Это первое.

Второе. Как идет демократизация в партии и в обществе. Доклад будет один. Дайте свои мнения – как вы его себе представляете. У меня есть идеи. Но говорить обо всех не буду. Соберемся на той неделе.

Думайте о качественном составе делегатов конференции, о документах ее, о порядке работы.

Кое-что я сказал на февральском Пленуме. В центре – проблемы политической реконструкции – Советы. Возродить их. Ленинское отношение к их месту и роли. И о роли партии: чем больше размышляю и изучаю вопрос, тем сильнее убеждаюсь, - если допустим ослабление партии, все провалим. Ведь в ней – теория, осмысление, организация масс, сознание масс. Кто это за нее сделает?! Никому это не по плечу. Уже сейчас видим: стоит что-то упустить, отстать, сразу же это дает о себе знать, во всем обществе откликается.

Убежден, что надо кардинально менять Верховный Совет. Как подумаю о нем – перед глазами Большой Кремлевский дворец: сидят, кто слушает, кто так, похлопали, проголосовали – и вся работа. И разъехались. Такой ли нам нужен Верховный Совет – и по существу, и по составу, и по количеству, и по делу?

Убежден, что нужно ограничение срока пребывания на посту – всех, вплоть до Генерального секретаря. Но не так, как у югославов. Насмотрелся я там. Все лидеры счастливы, что у них нет Генсека. Каждый на своем месте речи произноси за всю страну. Все метят занять первое место.

Медведев: А с другой стороны – с ответным визитом некого пригласить! Хохот.

Горбачев: Но посмотрим на себя. Вот недавно занимались корпусом кадров на первых секретарей обкомов. До 40 лет нет ни одного подходящего. А откуда взяться-то. Они же были исключены из политического процесса. Ведь человек должен пройти через ступени партийной работы. Но им выхода не давали. И теперь кто рождения 30-ых годов, значит ему сейчас 50. А на выдвижение в центр он лишь к 60-ти подготовится. Нарушен у нас кадровый процесс.

Так вот: и об этом подумайте. И вообще, как вы себе представляете аппарат?

Таков второй аспект XIX партконференции.

Теперь хочу сказать вот о чем. Мы (в ПБ) два дня обсуждали статью в «Советской России». Оценили единодушно (!) как вредную, антиперестроечную, а некоторые даже – как реакционную.

Обсуждение состоялось по моей инициативе. Точка зрения – общая. Были члены ПБ, кандидаты, секретари (кроме Добрынина – был в отпуску).

Появление подобной статьи казалось бы нормально в условиях гласности. И такая точка зрения может быть. Человек может высказывать любые взгляды. Я сам вам зачитывал письма похлеще. Мало разве разного печатают в газетах, в журналах. Это нормально. Люди обдумывают. Они хотят понять, что с из историей было. Что? – 70 лет зря прожили? И воевали неизвестно за что? Другие: всеюбдлщш98 было блестяще... Но тогда зачем такой Пленум? Затея чья-то?

А мы, партия, хотим свою точку зрения проверить: сложным путем шли, разное было. Но шли по пути социализма. ... Свою точку зрения изложили на 70-летии Октября и в других документах.

Это привело в движение новые процессы, затронуло все слои общества. Развернулись дискуссии. Разгорелись страсти. В сознании многих возникли вопросы.

Казалось, их прояснили. А в жизни – все сложнее. Сумятица в мозгах. Даже на уровне ЦК не все одинаково. И это нормально. Каждый честный человек хочет прояснить

для себя, что и как было. Это нормально. Почувствовав эту сумятицу, я решил выступить на февральском Пленуме. Вы помните, с каким вниманием слушали. Но увидел я, что некоторых ошарашило. Задумались… Начали выходить на кадровую политику, пошло опять обсуждение. И пусть. Мы никаких указаний отсюда не давали.

Ведь речь идет о переделке сознания. Не I Конной даем приказ разгромить Деникина. Речь идет о перестройке сознания людей, которые выросли в советское время. Вот для чего нужны глобализация и демократия. Вот – главные инструменты.

И вот мы сталкиваемся с этой акцией (статьей Нины Андреевой в «Советской России»). Именно так я хочу квалифицировать ее - акция против февральского Пленума, задумана и осуществлена. И это нельзя было оставлять без оценки. Поручили «Правде» дать ответную статью.

Статья в «Советской России»… Сразу мне бросилось в глаза, что не могла ее какая-то Нина Андреева написать.

Фролов: Она готовилась здесь, в этих стенах…

М.С.: Где? Кем?

Фролов молчит… М.С. понял, что может быть произнесено имя Лигачева и отстал от Фролова.

М.С.: Где же она готовилась, если не в отделе пропаганды?..

Но Яковлев не знает.

Лигачев – не знает… (опять лукавый М.С… давно понял он, чья работа, но не хочет прилюдно ставить точки над «i»).

Скляров – не знает. Кто же знает? Что же тогда у нас происходит? Или мы будем линию XXVII съезда проводить, опираться на то, что Генсек говорит, или – в подворотнях будем политику делать?

Был разговор с Чикиным (редактор «Советской России»). Он сам удивился такой реакции. Думал, говорит, помогаю перестройке. Он – порядочный человек. И «Советская Россия» мне нравится. Она много делала для Пленума. Хорошая газета, серьезная. Сколько она разных тем подняла! Писателя Ивана Васильева вывела на свои страницы.

Но вот – заблудилась. Заблудился Чикин. Я ему сказал: вопрос о доверии к тебе не стоит.

Но статья эта – не просто случайность. И что же это такое? Скляров по диагонали прочитал, Яковлев – по диагонали, Фролов – тоже. (Ох, хитрит М.С., уводит с главного следа, называет тех, кто «вне подозрений»!)

Я улетал в Югославию. Некогда было прочесть. Обычно складываю, что надо смотреть в отдельный ящик. В субботу вернулся. Читаю. Вижу – что это такое! Не то! Абсолютно не то!

А теперь посыпались вопросы – откуда? Пришли люди, говорят: это правда, мол, что статья готовит общественность к известию о том, что Горбачев уже отстранен от работы…, чтобы люди начали понимать, за что его отстранили.

Вот ведь куда дело-то зашло!

Говорю Чикину: ты был на съезде колхозников. Ты видел, что происходит…, что нас держит? Это ведь все «оттуда», от Сталина. А ты статью подбрасываешь в раскаленную атмосферу.

Он мне: мол, разные мнения.

Да разные. Есть и монархисты и революционеры. Некоторые Октябрь считают зигзагом истории.

А есть – без роду, без племени, историю без корней преподносят…

Чикин мне: Я хотел показать разные мнения.

Я ему: Да ты что, мне информацию, видать, хотел дать. Будто я не знаю о разных мнениях, до меня довести… Страна решает такие задачи, доведена до прямого кризиса, а ты бросаешь в этот котел вырванную цитату о «контрреволюционных народах»!

Переживал Чикин. Клялся. Я ему верю (напрасно! лигачевский лизун и сталинист!)… Я вообще верю людям. Могут, конечно, и разочаровать, сподличать.

Я говорил на ПБ: нам с вами выпала важнейшая в истории миссия – тащить страну, выводить на дорогу…, возвращать ее к Ленину… Будьте внимательны, смотрите вперед.

Вот сидел я рядом с латышом из «Агджи» (богатый латышский совхоз). Говорит он мне: Михаил Сергеевич, между руководством и народом – такая толща! Вяжут народ, не дают дышать, не дают работать. Виктор Петрович (Никонову), ты предлагаешь на 50 % сократить РАПО, а я – на 60 и больше. Ведь в одном Саратове, говорят, сидят при РАПО сотни людей, целый отряд, здоровые девки (показывает на грудь), это резерв - на свеклу. 900 человек заняты а РАПО в одном Саратове.

Нужны ли нам такие РАПО? Политика определена. Сказали, что делать. Государство заказы будет давать и зачем эти промежуточные инстанции? Отучили людей самостоятельно действовать. Вот Иван Васильев выступал на съезде колхозников: нагляделся, говорит, я на все эти вещи. Теперь и аренду не с кем заключать, не хотят никак этим заниматься… А почему так? Потому что специалисты против. Они десятки лет сидели, ничего не делали, разорили деревню. А тут подряд подошел и выдает такие

результаты, что им не снилось. Это их дискредитирует и, конечно, они против всяких новшеств. Вот ведь в реформе какие вещи мы выявляем. И народ все это видит. А нам бы сказать это служащим-специалистам – вы же сами в бюрократов превратились. Я, понятно, против того, чтобы сегодня тысячу человек уволить, завтра еще тысячу уволить. Надо делать по-человечески, надо, чтобы процесс последовательно шел. Не надо ничего силовыми приемами, не пресекать никаких начинаний. Надо полную свободу всему – всем, кто хочет что-то делать. Или посмотрите, в «Огоньке» прочитал недавно, как в Узбекистане удобрениями травят женщин, которые на хлопке работают. И никому нет дела. А одна женщина выступила, так ее замордовали, без зарплаты оставили. И вот забивают таких людей как гвоздь под шляпку, чтобы задохнулись со своей инициативой и с жалобами.

Перестройка преподнесет нам еще много всего. И нельзя, чтобы мы замыкались на мелочах. Надо, чтобы закон сам стал действовать. Вот вспомните подстрекателей в Армении. Есть они. Паразитируют они на проблеме, на беде. А надо взять такого подстрекателя и в суд его принародно, и в тюрьму.

В нашей политике – большая сила. Но надо уметь ее проводить. Чебриков в своем ведомстве провел анализ (у себя они делают такие «социологические» исследования). Так вот они пришли к выводу, что критицизм, связанный с перестройкой, не носит деструктивного характера. Я хочу, чтобы завотделами знали это.

Может быть нам решение принять на Политбюро по статье в «Советской России» (голоса согласия). Не вредно и разослать бы его по парторганизациям.

Болдину: У нас записано, что говорилось на Политбюро? (Болдин мнется. Ибо давно запрещено что-либо записывать на заседаниях Политбюро). М.С. понял, что он проговорился… Продолжает: Но все таки что-то есть. Так вот, надо все это собрать, что сказано было членами Политбюро, хорошую записку составить, чтобы люди почитали, поняли, в чем дело, и разослать по обкомам. Вот это я хотел вам все сказать, чтобы учитывали.

А теперь я поеду на 120-летие Горького. Хотя и не круглая дата, но надо: уже и на Горького руку начали поднимать…

<u>1 апреля 88 г.</u>

А.Н. Яковлев мне воспроизвел в лицах, с чего все началось. Дело было в Кремле в комнате президиума во время перерыва на съезде колхозников. Расселись.

Воротников: «Опять этого Сойфера в «Огоньке» вытащили, этого прохвоста. Что с этой печатью делать?.. Но надо что-то делать…

М.С.: А что? Они же напечатали потом ученых, которые возразили первой публикации… Ну, и что ты хочешь? Одни так, другие по-другому. Это же ученые. Их среда. И пусть… Что ты нервничаешь? Мы не можем как бывало…

Лигачев: Печать стала и по зубам давать этим… Вот в «Советской России» была статья. Очень хорошая статья. Наша партийная линия.

Воротников: Да! Настоящая, правильная статья. Так и надо. А то совсем распустились…

Громыко: Да. Думаю, что это хорошая статья. Ставит все на место.

Соломенцев что-то начал в этом духе. И Чебриков уже было открыл рот…

М.С.: Я ее мельком проглядел перед отъездом в Югославию.

Перебивают… Что, мол, очень стоящая статья. Обратите внимание…

М.С.: Да, я прочитал ее потом, вернувшись…

Опять наперебой хвалят статью.

М.С.: А у меня вот другое мнение…

Воротников: Ну и ну!

М.С.: Что «ну и ну»?…

Неловкое молчание, смотрят друг на друга.

М.С.: Ах, так. Давайте на Политбюро поговорим. Я вижу дело куда-то не туда заходит. Расколом пахнет. Что «ну и ну»? Статья против перестройки, против февральского Пленума. Я никогда не возражал, если кто-то высказывает свои взгляды. Какие угодно – в печати, письма, статьи. Но до меня дошло, что эту статью сделали директивой. Ее в парторганизациях уже обсуждают, как установочную. Запретили печатать возражения этой статье… Это уже другое дело.

А на февральском Пленуме я не «свой» доклад делал. Мы его все обсуждали и утвердили. Это доклад Политбюро и его Пленум утвердил. А теперь, оказывается, другую линию дают… Я не держусь за свое кресло. Но пока я здесь, пока я в этом кресле, я буду отстаивать идеи перестройки… Нет! Так не пойдет. Обсудим на Политбюро.

В четверг вечером, после официальной части ПБ, когда нас, помощников, оттуда «попросили», разговор пошел так…

Рассказывает Яковлев: М.С. сказал несколько слов…, но таких, что побледневшему Лигачеву пришлось выступить первым.

Лигачев: Да, Чикин у меня был. Мне статья понравилась. Но больше я к ней отношения не имел (комментарий Яковлева: Врет, и я увидел, как внутренне это взбесило Генерального).

Громыко уже «подстроился», долго болтал что-то невнятное, но ясно было: ни нашим, ни вашим.

Воротников оправдывался за вчерашнее «ну и ну!», но искал выход в жалобах на печать и что на нее управы нет.

После Воротникова, говорит Яковлев, я понял, что пора выступить мне. Потому, что не было уверенности, что все читали, даже те, кто мог бы выступить с осуждением статьи и могло бы получиться, что начали бы автоматически поддакивать против распущенности печати и дело смяли бы…

Я говорил минут 20. Показал по пунктам, что весь смысл статьи – и по духу, и по тону, и каждым своим положением – против Горбачева, против февральского Пленума, что это манифест антиперестройки. Когда закончил, было уже поздно, около 10 часов. М.С. говорит: давайте на этом сегодня закончим, завтра продолжим.

И вот назавтра первым говорил Рыжков. Жестко, резко, беспощадно против статьи. Самое сильное выступление.

У меня, говорит Рыжков, два впечатления от статьи:

- Зачем, мол, эта перестройка?!
- А уж раз случилось такое несчастье, то надо по возможности его ограничить, зажать.

Я, говорит Яковлев, не буду тебе пересказывать, кто что потом говорил, да и не запомнишь. Важен расклад.

Сильно и безапелляционно осудил статью Шеварнадзе. Решительно и аргументировано Медведев. Кратко, но четко, с эмоциями, с возмущением – Слюньков и Маслюков. Чебриков (который чуть было не «оступился» накануне) произнес спокойное осуждающее слово и это очень понравилось М.С.'у (он даже потом Натте это пересказал) – сообщил, что ихние, КГБ'эшные «социологические» обследования показали, что критицизм, который приобрел такой размах, не деструктивен!

Генерал Язов бурчал что-то не очень определенное насчет печати, которая меру потеряла…, но «в целом» за Генерального.

«Спасали» Лигачева и статью Соломенцев, Никонов и Лукьянов… Это, говорил потом М.С., очень его разочаровало и удивило. Лукьянова он даже потом вызывал. (Это же его дружок по университету еще, вместе в общежитии на Страмынке жили). Не очень определен был приехавший специально из отпуска Зайков. (Может быть, потому что

«рыльце в пушку»… - ведь это в московских парторганизациях пускали на ксерокс эту статью и уже начали обсуждать, как директивную. Наверно, не без его ведома, если не согласуя. Словом, во время не разобрался!).

Не упомянул Яковлев почему-то Долгих, Бирюкову. Я не переспросил. Но, думаю, Долгих на лигачевском фланге.

Хорошо выступил Разумовский.

Конечно, приняли единодушное решение: осудить статью. И поручить … «Правде» выступить с разгромом.

М.С. на совещании с завотделами и нами, с этого и начал, надумал оформить официально это решение постановлением ПБ и разослать по обкомам записку – обощение того, что говорилось на ПБ.

Сегодня мне Яковлев показал первый проект статьи в «Правде».. Сильно сделана. Дай Бог, если не изуродуют при рассылке. Я ее еще кое-где «усугубил».

Фролов стал отруливать: мол, метод прежний – разгром в «Правде», а это же письмо в газету. Пусть, мол, авторское письмо – ответ будет в той же «Советской России». Я взъярился: революция очень авторитетная вещь, и если мы будем мямлить, сталинисты опять все сомнут и т.п.

Словом, - это поворотный эпизод в истории перестройки. (Рыжков даже предложил освободить Лигачева от курирования идеологии!). И если, как выразился Яковлев, М.С. не пожалеет Егора Кузьмича, то дата войдет в анналы).

Были у меня сегодня и другие соприкосновения с М.С.

Менгисту вопит о помощи, эритрейцы разгромили его войска… И спасайте! SOS полетело в Москву, в Гавану, в Берлин: давайте срочно оружия, денег, транспорт, снабжение и т.д.

Язов, Маслюков, Добрынин – тут как тут. По традиции - записку и проект постановления: 10 АН-12, 40 танков, пушки, пулеметы, ракеты.

Я пишу на проекте: Михаил Сергеевич, Вы же сами и на ПБ, и публично начали настраивать всех на политические решения. А тут опять с ходу рутинный ответ: больше оружия и немедленно. Ничего оно не изменит, а самой этой «помощью» мы толкаем Менгисту на безнадежное дело – «решать» все военной силой. Вместо того, чтоб намекнуть, что надо извлекать уроки…

Через пару часов мне сообщили, что он эту мою записочку отколол и подписал постановление…

В 17 часов было ПБ по Афганистану… В конце речь зашла об Эфиопии. М.С. поднял Ахромеева. И тот нарисовал катастрофически безнадежную картину политики

Менгисту добиться военной победы. 14 лет он воюет за Эритрею, а дела все хуже и хуже. А мы проводим в Эфиопии «его негодную политику», вместо того, чтоб проводить свою. Во время этой «речи» М.С. зыркал на меня: вот, мол, сидит помощничек и злорадствует.

Афганистан. Шульц прислал письмо Шеварнадзе. Готовы подписать в Женеве, если будет обойден вопрос о продолжении военной помощи муджахеддинам. (Откровенно: зачем вообще затевали бодягу по этому вопросу – ведь никакое соглашение не в состоянии предотвратить эту «помощь»).

Политбюро должно было решить – подписываем мы в Женеве или нет. М.С. взвесил все за и против. «За» явно превышают: уходить мы все равно решили, в условиях подписанного соглашения это сделать легче, достойнее. Главное: ребята продолжают гибнуть. А мы что – полигон для испытания своего оружия что ли решили сохранить там? И где: слово и дело! Еще одно завоевание в пользу реальности нового мышления. И бремя – 6 млрд. в год (из 20 млрд. прибавки к национальному доходу!).

Опросил всех членов ПБ поименно. Все за. Ахромеев у карты доложил план вывода войск. В любом случае, будет соглашение подписано или нет – начинаем выводить 15 мая.

3 апреля 88 г.

100 000 молодежи на Арбате. Но вне ли они политики? Пользуются перестройкой. Но готовы ли встать за нее? Понимают ли смысл Горбачева? Ценят ли? Знают ли, что это «один крючок», на котором пока висит их свобода?!

Ходил к своей школе. Щемит. Москва очень неопрятная, везде ямы, грязь, помойки, дороги разрушены. Дома – во многих местах, как в Сталинграде – 42-ого. Боже! Сколько денег и – руки приложить – куда ни кинь. На каждом шагу.

Звонил Арбатов. Откуда-то знает, что ПБ заседало по статье в «Советской России».

10 апреля 88 г.

С 6 по 8 – в Ташкенте. М.С. вызвал меня накануне: едем. Все переменилось. Надо поддержать Наджиба. И … кончать с этим делом… Через два дня, в выступлении в ЦК Узбекистана, он произнес слово «беда»: это, мол, самое мягкое определение, какое можно дать. Но в опубликованный текст не попала эта фраза – вычеркнул.

В самолете туда, когда вдвоем обдумывали, что говорить Наджибу, он правил подготовленный мною наспех материал… Вдруг заговорил об истории с «Советской Россией»

Знаешь, говорит, перед Югославией увидел эту статью (Нины Андреевой) и сунул в ящик, куда обычно кладу на «потом». А приехал, прочел внимательно, да уже и разговоры пошли – понял… Но еще «не созрел», чтоб поставить вопрос в Политбюро. А потом, за чаем (в перерыве съезда колхозников) – зашел разговор. Затеял Воротников… Тут я понял, что оставлять нельзя: «Если для вас это эталон, тогда давайте объяснимся»…

По реакции он увидел, что я многое знаю. Запнулся. Я говорю:

- Михаил Сергеевич, мне кажется иногда, что ваши коллеги не понимают, что вы хотите, не читают внимательно, что вы говорите и пишите… или не могут понять сути.
- Понимаешь, … потолок! (и показал рукой). Такой потолок… Я не думаю, что здесь умысел, фракционность, принципиальное несогласие… Потолок. И это тоже плохо…

Поселили нас в одном из рашидовских особняков. Вечером в предбаннике столовой сидели: он, Шеварнадзе, Крючков (заместитель Чебрикова по внешней разведке), Лущиков (помощник М.С.) и «доводили» совместное советско-афганское заявление, чтоб загодя послать его Наджибу (который остановился в городе).

Ужинали. Был шутливый эпизод. Крючков: напрасно мы в Заявлении Кордовеса упомянули, - прохвост.

М.С.: Почему прохвост, данных тебе не выдает? (Все хохочут).

Крючков: Не выдает!

Шеварнадзе: А почему, как ты думаешь?

Крючков: Зарплату хорошую платят. (Хохот).

7-го утром была встреча с Наджибом. Он был с помощником. А М.С. позвал Нишанова, чтоб потом он пофигурировал в отчете: «Чтоб поддержать, а то Узбекистан совсем затоптали» (из-за рашидовщины).

Договорились обо всем быстро. Наджибулла (зная, что деваться нам некуда) просил – и валюты, и оружия, и материального снабжения, и продовольствия.

М.С. обещал рассмотреть.

Выглядит Наджиб уверенно. Видно, распустил сети связей далеко за пределы того, о чем нам рассказывает. Да и альтернативы ему нет. В «семерке» других претендентов передрались… Миру уже известен.

Словом, он хочет, чтоб мы уходили.

Потом колхоз, теплица огурцов, дом… Умеет М.С. общаться с людьми. И делает это по-просту, не подлаживаясь и не возвышаясь в недоступности. И «извлекает» из того, как ведут себя люди, что и как говорят. А держались они на ломанном русском свободно, открыто, уважительно, без всякой боязни и редко – со смущением (парни). А узбечки в теплицах готовы были его лобызать, все просили фотографироваться с ним и так и эдак. Расселись на земле вокруг него – прямо гаремная картинка.

Возвращаясь в «резиденцию», сказал, что окончательно убедился в том, что надо выступать перед активом.

Вот, давайте поужинаем и сядем готовиться…, будет соревнование умов.

Работа же шла так: М.С. фонтанировал… , я то и дело встревал и «формулировал» или вычленял из его «потока сознания» то, что можно было бы положить на бумагу.

Шеварнадзе и Лущиков вмешивались редко. Кончилось это около 12 ночи.

Ну, говорит (мне и Лущикову), вы приведите все это в порядок и отдайте дежурному. Он мне рано утром передаст.

Пошли в соседнее здание – гостиницу, где поселились девчонки (секретарши и стенографистки)… И мне пришлось эту 40 страничную стенограмму фактически переписывать, переставлять, выявлять мысль, убирать повторы, словом, глубоко редактировать. Лущиков этого не умеет.

Так до 4 часов утра. А в 7.30 – вставать. Возложение цветов к памятнику Ленина… Завод «Алгоритм» (узбеков там почти нет), и в ЦК – выступление. Текст был для него каркасом… Он по существу произносил новую речь, а вчерашний вечер был для него собиранием мыслей и тренажом.

Нет! Не было у нас после Ленина и его коллег такого лидера. Сравнение с Каровым не подходит, тот был «народный трибун», но ориентированный на примитив. И не интеллигентен столь же. Может быть, по нравственным качествам, по чувству ответственности они сопоставимы.

Потом – плов во дворце, откуда незадолго перед тем уехал Наджибулла. И улетели. В самолете долго пили все вместе чай. М.С. – усталый и довольный сделанным. Особенно тем, что «реабилитировал» целый народ от пятна и презрения из-за рашидовщины. (Его слова колхозникам, что «народ не виноват» в мгновенье разнеслись по всей республике). Говорили о многом каждый и все вместе. Бывало лидером разговора становилась Раиса Максимовна, тогда М.С. замолкал…

Запомнилось: с обидой говорил об очередной выходке Шатрова на собрании кинематографистов. Тот сказал: я присутствовал в Белом доме на обеде у американского президента, выступил Леонтьефф, который сказал, что в «перестройке – гласность для

интеллигентов, а для народа – мясо нужно». И Горбачев де при этих словах зааплодировал.

Но, во-первых, в Белом доме никто не выступал, кроме М.С., Рейгана и Клайберна. Во-вторых, даже если он, Шатров, перепутал обед в Белом доме с приемом в посольстве, Леонтьефф (нобелевский лауреат по экономике, бывший русский) там ничего подобного не говорил. И, в-третьих, если бы это и имело место, как можно трепаться… Ведь это же противоречит всему духу, всему стилю, всей политике Горбачева!

… Поистине тщеславие «прорабов» перестройки берет верх над порядочностью, и правильно Яковлев сказал: «Хотят быть Александрами Матросовыми перестройки, а становятся Павликами Морозовыми»…

Ю. Афанасьеву я прочел мораль на эту тему.

М.С. был расстроен, особенно тем, что этот кусок выступления Шатрова показали по TV на всю страну.

… Статья в «Правде» (5 апреля) поставила многих в неловкое положение. М.С. говорил мне в самолете: приходил ко мне Лигачев. Побитый. Мучается. Говорит: давайте проведем расследование. Дайте указание, пусть проверят на фактах: не давал я указание, чтоб статья Нины Андреевой рассматривалась как директива. Не давал.

М.С. мне говорит: Может, и не давал. Но где нужно и до кого нужно «довел свое мнение», а антиперестроечники тут как тут: «чего изволите». И пошла писать губерния. Некоторые парткомы уже распорядились обсуждать ее на партсобраниях(как эталон подхода к перестройке). Не говоря уже о том, что я, как прочел ее, сразу увидел, что не могла какая-то там Нина Андреева написать такую статью. Это же платформа, манифест… А Егору (т.е. Лигачеву) я сказал: успокойся, не надо никаких расследований, еще не хватало своими руками раскол организовывать в ПБ.

Но даже хорошо, что это случилось, продолжал разговор М.С., урок всем… Чебриков хорошо выступил (насчет того, что критицизм не носит деструктивного характера).

Речь М.С. в Ташкенте сегодня опубликована. Он после нас с Яковлевым еще кое-что почеркал, в частности в том месте, где «в партии все равны и не должно быть вождизма» - снял слова: «равны и Генсек и рядовой коммунист»… И правильно, это было бы не серьезно, заигрывание. Сказать такое в узком кругу или даже в большой, но закрытой аудитории – это одно. А на всю страну – демагогией бы выглядело.

Итак, приехав из Ташкента, просидел в ЦК до 12 ночи. И уже готовить материалы к Арафату не мог. Утром с помощью Брутенца сочинил «позиции» для Арафата.

Когда вошли Шеварнадзе, Добрынин, Брутенц и я в кабинет в Кремле за 5 мин до Арафата, М.С. выглядел усталым… Ругательно и в шутку всем: уволить бы вас…, ноги ведь протяну, сил уже никаких нет. Никакого желания встречаться с этим вашим Арафатом… И толк какой?.. Только один Анатолий (показывает на меня) сопротивлялся до конца. А вы все настояли. (Я, действительно, сопротивлялся, даже крупно поговорил дважды с Э.А., сорвал исполнение постановления ПБ о его приеме, уговорил М.С. временно его не исполнять. Но Э.А., видно, заангажировался и … разные весовые категории - М.С. в конце концов согласился).

Беседа, действительно, ничего практически не дала. И не нужен он нам. А Арафат празднует. Напыжился еще больше.

Единственный, пожалуй, толк, что он услышал из уст М.С. – ни в коем случае не допустить, чтобы «палестинское восстание» взялось за оружие, тогда – гибель всему.

24 апреля 88 г.

Самое главное – три встречи М.С. с первыми секретарями обкомов и ЦК республик, всего – 150 человек. Я записал все подробно. Он проверял на них идею: «Вся власть Советам!»… и подводил к тому, что первый секретарь должен быть и председателем президиума любого Совета, но избранный уже народом. Если не изберут – уходи. И так до самого верха: он мне еще в Пицунде сказал, что идея состоит в том, чтобы он стал «президентом-Генсеком». И это правильно. Это – главная гарантия перестройки, пока он жив. Но он хочет за это время – через XIX партконференцию – создать избирательные и прочие гарантии против диктатуры… не только лица, но и партии.

Главной же темой и в тексте и в подтексте этих собраний была статья Нины Андреевой. Первые две группы (они шли с разрывом в три дня) были предупреждены Разумовским о чем пойдет речь. Поэтому со второго выступления Пуго (Рига) пошло: как это могло случиться, что такое напечатал орган ЦК («Советская Россия»)! и т.д. И почему поступило указание перепечатать ее в областных газетах…

Но я, говорит Пуго, «заподозрил неладное» и задержал, а через два дня поступил отбой. Но многие перепечатали, а кое-где, в том числе в Ленинграде, начали уже «позитивно» одобрять на партсобраниях и даже, говорят, собирались провести «теоретический семинар» об идеологических ошибках Горбачева (в порядке гласности).

Другие были резче. Один говорил: как же так? Мы – члены ЦК. МЫ одобрили Ваш (М.С.) доклад на февральском Пленуме. А нам вдруг орган ЦК предлагает прямо противоположную платформу! Кто мы после тогда? Почему нас не спросили?..

Третий ставил вопрос – почему бы не снять Чикина и не разогнать редколлегию?

М.С. решительно отверг это: «теми» методами нельзя убеждать в правильности нового… Будем - только в демократическом процессе. Но прямо им сказал: «Не все вы разобрались, не все поняли антиперестроечную суть статьи. Заколебались».

Особенно яростен он был, когда в третьей группе (не предупрежденной) встал Петров (Свердловск, «рабочая аристократия» сталинского помета): «А что! Мне понравилась статья и я велел ее перепечатать. Хватит раздеваться за наше прошлое. Рабочие коллективы задают вопросы: до каких пор будет позволено!»

М.С. был несколько смущен: «Ну, а теперь то ты разобрался, после статьи в «Правде»?.

Петров: Разбираюсь. Конечно, не во всем права Нина Андреева, но и «Правда» тоже не отвечает на вопросы. И потом, после первой объективной подборки откликов на свою статью, стала печатать только односторонние оценки!

М.С. сдерживал себя. Было видно.

Петров: Вы же, говорит, требуете, чтоб каждый говорил то, что думает… Вот я и говорю. Я еще уясняю для себя.

В этой группе не было резких осуждений статьи Нины. Большинство выступавших вообще не высказало своего отношения, - говорили по теме собрания: о том, как они считают надо перестраивать политическую систему и партийную работу, т.е. давали свои соображения к XIX партконференции.

Горбачев по ходу разговора поднял тему сталинщины. Когда, говорит, мы не знали всего - другое дело. А когда узнали и узнаём все больше, что было…, двух мнений быть не может. Сталин – это преступно и аморально. Для вас скажу: 1 миллион партийных активистов расстреляно. 3 миллиона – отправлено в лагерь, сгноили. Это – не считая коллективизации. Списками выбивали лучших людей партии…

И Нина Андреева…, если пойти по ее логике, зовет нас к новому 1937-ому. Вы этого хотите? Вы – члены ЦК. Вы должны глубоко думать о судьбе страны и социализма. И постоянно помнить: все за социализм, но – за какой? Такой как при Сталине нам не нужен.

Секретарь калининского обкома стал жаловаться, что у него появились группы, особенно из интеллигенции, которые требуют возвратить городу название Тверь. Раньше обосновывали историей города. А теперь – после статьи в «Огоньке» - «Жена президента» - и по той причине, что Калинин не достоин того, чтоб город носил его имя. «Это куда же мы так придем?»- восклицал он.

М.С. в ответ: «А что? В «Огоньке» правильно все написано. Так оно и было. Помните, как Ленин поставил вопрос, когда Сталин оскорбил Крупскую. А тут! Жену Калинина Сталин посадил… Посадил других жен. А они как ни в чем не бывало. Продолжали его восхвалять и ползать перед ним. Какая же это мораль! Что же это за большевики?! Так что ты разберись. Я тебе ничего не навязываю. Но с народом разберись. (насчет названия города).

А вот с Брежневым. Чурбанова (зятя его) судили: на 700 000 рублей набрал взяток по всему Союзу. А это ведь семья Леонида Ильича! Как мы после этого можем мешать людям отказываться от наименований его именем: Брежневский район, город… Набережные челны, ледокол!…

Несколько дней спустя был у меня разговор с Яковлевым. Он меня спрашивает: Как думаешь, когда в нем (в М.С.) произошел такой перелом? Ведь ты помнишь, как кисло он принял «Детей Арбата»? Потом с Шатровым устроил[1]… А ведь там – детский сад по сравнению с тем, что сейчас вышло на страницы. А теперь будто подменили: непримирим по отношению к малейшему послаблению сталинизму.

Я: Думаю, что тогда, когда увидел, что и в его окружении во главе с Лигачевым люди думают (и делают) так же, как Нина Андреева, и что даже в генералитете партии не понимают глубины его замысла… Или не приемлют.

Впрочем не было бы Нины Андреевой, ее надо было выдумать. Пошел такой шквал антисталинизма и такая раскованность в газетах, что Лигачев бы и др. не «потерпели»! А теперь он поджал хвост. Наблюдал я его на Политбюро в прошлый четверг – 14 апреля. Нет уж такого апломба. Больше помалкивает. Жалковатый. А когда выступил по какому-то частному вопросу – кажется, о том, что ПТУ должны управляться из центра, а не быть при заводах – на него резко обрушился Рыжков (и это в присутствии нескольких министров), «не согласился» Зайков, и даже Воротников приподнял хвост.

М.С. соломоново мерил – в обычной своей манере, когда речь идет о частности: мол, у всех есть рациональное. Но по сути поддержал премьера. И Лигачев жалко умолк. Я подумал: начинается «отторжение».

Вчера проходил внеочередной Секретариат по подготовке XIX партконференции. И Горбачев сам его проводил. Лигачеву не доверил, хотя тот «по положению» должен вести Секретариат.

В прошлую пятницу, кажется, М.С. поехал в больницу к Асаду, который в тайне приезжал на медицинское обследование. Очень он с ним открыт. С другими –

---

[1] *А.Н. имел в виду реакцию М.С. на финал пьесы Шатрова «А дальше, а дальше!..». Там Ленин уходит, Сталин остается.*

европейцами, даже с Шульцем – это правильно: по человечески они порядочные люди. Но с этим (как, впрочем, и с Наджибом) надо быть осторожнее. Коварство – в крови. Ведь Асаду ничего не нужно, как доить нас. И ракеты, чтоб не хуже, чем у Израиля. Все остальное он понимает «по своему». Недаром он близок с Хомейни.

22 апреля был Шульц. Я много готовил к встрече с ним всяких материалов. М.С. то и дело менял «концепции». Диктовал мне. Не удовлетворился, видно, - поздно вечером Добрынина заставил написать две страницы. Но потом в них даже не заглянул.

А сев напротив Шульца, отложил все. Открыл «картонку» – обложку, где бумаги раньше лежали со своими пометками наискосок.

Шульц: «Это и все, что у вас есть?» - шутя.

М.С.: У меня много, что есть, - тоже с иронией.

И выдал ему, спокойно, уверенно и глубоко. В ударе был. Он вообще теперь очень уверенно чувствует себя в беседах. И всегда придумывает неожиданные ходы («непредсказуемый Генсек», шутит он). Выдал за последние речи Рейгана, из которых следует, что, «мил (Америке) все равно не будешь». И чем больше популярность Горбачева в мире, тем менее способны будут Рейган и К^{о} воспринимать «новое мышление», т.е. (не то, что согласиться) исходить из того, что никакой коммунистической агрессии и экспансии (из Москвы) нет, не будет <u>и не может быть объективно</u>.

Добрынин, заведуя Международным отделом ЦК, продолжает быть «послом». Мне это накладно. Потому, что при подготовке материалов для М.С. ни от МИД'а, ни от Отдела - никакой помощи. То, что они поставляют – не более, чем справки или тривиальности. Идей, даже оригинальных оборотов мысли – как правило – нуль. Если только - не по линии Брутенца.

Впрочем, у М.С. своих идей полно. Тем не менее, при его нечеловеческих перегрузках на внутренних делах, хотелось бы «угадывать» для него, напоминать о самом главном для той или иной внешней оказии – и для бесед, и для документов, постановлений, и при подготовке обсуждений на ПБ. Кажется, пока это удается.

Удаются и сообщения по итогам его бесед. Ему нравится, потому что мне легко улавливать «дух» – я знаю, как он, действительно, думает и по большей части – то, что он хотел бы выдать на публику. Сходный у нас и «стиль» письма – без воды, без нужняка, без холостых ходов.

Это он мне доверяет целиком. Хотя, иногда проверяет. Вот и по итогам Шульца – позвонил уже из машины, по окончании ленинского вечера (22 апреля) – буквально за 20 минут до «Времени» на TV и просил зачитать, что я сочинил. Одобрил.

Впрочем, тут я выработал совершенно новую манеру – по сравнению с Александровым при нем же, не только при Брежневе и Черненко: писать эти сообщения о беседах по факту (а не заранее в МИД'овском стиле) и с использованием не только мыслей, но и выражений, «словечек» М.С.

И как-то все признали, что это взамен пресс-конференций, которые приняты после встреч на высоком уровне на Западе и которые дают собеседники М.С. здесь – в пресс-доме на Зубовской или в самолете… Словом, это наша оценка встреч и то, что мы хотели бы сказать в данной связи.

Только что позвонил М.С. Захотелось, судя по всему, поговорить. Сижу, говорит, обложенный журналами и статьями. Раиса Максимовна вошла – критикует: что ты сидишь! Какой воздух! Ты ведь без движения весь день, пойдем гулять! Приветы мне… Но он все таки минут 20 проговорил со мной.

Первая тема – реакция в мире на его беседу с Шульцем. Все бросились защищать Рейгана. Хорошо, что мы перебросили лидерство с Тэтчер на Рейгана. Там ему место – такому лидерству… А она уже засуетилась, опять просится: дали ей понять.

Я: Естественно. Такой шанс у ней был – «близость с Горбачевым»! Никуда ей не деться. А Рейган пусть отмывается.

М.С. (подхватывает): Все должны помнить, что достоинством мы не поступимся ни при каких обстоятельствах. Да, и знаешь, Анатолий, - они слабину не уважают. Растопчут и разотрут. Им надо время от времени напоминать с кем имеют дело. И ты посмотри, как они (т.е. Шульц, Нитце, Раджуэй) слушали.

Я: Никто не бросился защищать своего президента.

М.С.: Да. Шульц – умный и порядочный. Из Киева передают: не стал искать встреч с диссидентами. С народом общается. Убеждается, что я говорю правду.

А Нитце? Старик…

Я: Мне кажется, им противно самим - таким людям – политиканство, которое царит у них во главе с Рейганом. Но – вынуждены играть в эту с ним игру.

М.С.: Нитце, когда прощались (а М.С. поговорил с каждым в отдельности, когда расставались), говорит мне: Жаль, что я стар и уже не успею делать с Вами дело. Хотя старость – это и мудрость. Много я повидал на своем веку. Со многими пришлось работать. Но с Вами открывается что-то совсем новое. И хочется еще сделать что-то нужное. С Вами – можно.

Раджуэй говорит: Я просто потрясена Вами. Откуда берется этот поток мыслей, это умение все видеть и так, с ходу, далеко глядеть. И так все просто и обезоруживающе.

И посмотри (М.С. – мне), Шеварнадзе мне рассказывает: сидят они – Раджуэй и Бессмертных, «ведет вроде переговоры», и с полуслова все понимают – это так, это рано, это не будем трогать сейчас, отложим. Как два нормальных, здравомыслящих, умных человека. Притирка произошла с этой командой. Когда еще другая-то будет?...

Я: Михаил Сергеевич, я наблюдал за ними во время встречи. Слушая вас, они забывали, что они чиновники... на службе у Рейгана...

М.С.: В общем правильно мы ухватили момент. И это – предупреждение к визиту Рейгана сюда. Остеречь его надо. Пусть знает, что спуску мы не дадим. Достоинство будем блюсти.

Вторая тема: XIX партконференция и вчерашний Секретариат.

Знаешь, говорит, ничего я не набрал от вчерашнего обсуждения. Единственно, кто что-то внес, - Яковлев, Медведев, Лукьянов. Остальные... думают только о своих амбициях и о кресле.

Я: Да и амбиций нет. Нечего нести-то.

М.С.: Ты прав. Нищета философии. Ограниченность. Отсутствие культуры. Отсюда и бедность мысли, не говоря уже об отношении к моим замыслам... Есть, есть, тут Толя! И Лигачев опять удивил, набросился на прессу. Заявил, что правительство России – единственно хорошее. А Совмин СССР ничего не делает. Ну, подумай только! Открытым текстом свои привязанности и антипатии выказывает... И, что он думает, что мы такой примитив, что не понимаем что к чему? Воротников – это худшее у нас правительство из всех республик. Ты заметил, как его крыли (не называя по имени) на встречах с секретарями обкомов. А Рыжков? Да мы ему работать не даем – все его дела на ПБ тянем. И здесь все упирается в безвластие советской власти! Но – ненавидит Егор Николая. Тот ему платит тем же...

Потолок, Толя! Что с него возьмешь. 18 лет он (Лигачев) правил в обкоме, и не знает никаких других приемов. И образование опять же. Надо искать выход какой-то...

На партконференции нужен прорыв, новый интеллектуальный прорыв.

Посмотри: Партия. Авангардная роль – но как? Если отнять командование и управление? «Вся власть Советам!» Но как? Как заставить работать Советы после 60-летней привычки быть прихвостнем и полной дискредитации?

Говорим: вернуть социализму ленинский облик! Да. Но что это значит в теперешних условиях? Очищаем от скверны сталинщины, брежневщины... Еще много тут дел. Но это ведь негативистская работа. А какая конструкция должна быть? Правовое социалистическое государство. Огромная проблема. И т.д.

Все пора наполнять конкретным содержанием. Хватит провозглашать. Люди изверятся, если им говорить и говорить формулы = обещания.

Молодежь. Что ей сказать?

Как она понимает мир? Что ей этот мир? Как она понимает и зачем ей демократия? Что предпочитает?

Словом, надо думать. Время уходит.

Завтра в 3 часа соберемся: помощники, Яковлев, подумаем.

Я рассказал ему о Боффе, с которым вчера встречался.

26 апреля 88 г.

М.С. собрал Яковлева, Слюнькова, Медведева, Лукьянова, трех помощников, Биккенина, Ситаряна, Можина (зав. Экономического отдела), Болдина. И проговорил все идеи к XIX партконференции... Главное – в истории она останется, как первая после Гражданской войны коренная реконструкция политической системы: новая концепция авангардной роли партии, «Вся власть Советам!», правовое государство, национальный вопрос («Все двери и окна хлопают и камни по крыше стучат») – нельзя ждать до Пленума по национальному вопросу.

И итоги перестройки. Самокритика трех лет. Но, как выяснилось из выступлений Слюнькова и Ситаряна, нет даже идей, как наладить механизм экономики, чтоб он работал на новых принципах. Ситуация тревожная. Производство падает. И рыночное обеспечение скудеет. Сахар по паспортам начали продавать уже и в Москве. Это а propos.

Между прочим, М.С. рассказал («для вас только») в связи с проблемой гарантий и необратимости перестройки. Люди, говорит, очень встревожены, боятся, как бы все не опрокинулось. Ситуация очень обострилась в эти три недели «застоя» (между публикацией в «Советской России» и статьей в «Правде»). Вот случай... помните, я на той неделе три дня не появлялся на работе. Надо было врачебное обследование пройти. Давно откладывал. Так вот... ГАИ останавливает «Жигуленка» моего зятя (он врач в первой Градской), знают его номер. И прямо задают вопрос: «Где Михаил Сергеевич?» Зять туда-сюда. «Ты не виляй. Говори, где М.С.? Мы же знаем. Три дня уже его машины не идут в город! Слухи ходят, что его уже сняли... Если так, скажи. Народ вокруг заведен, говорят, если сняли – выйдем на улицу с оружием!»

Выступали все по очереди. Наговорили с короб. Я тоже говорил. Очень громко, в отличие от других – в запале, стоя. Две темы из того, что сказал, пожалуй, стоит зафиксировать:

1) Против Иванова (Фролова) тезиса о «возврате от Ленина к Марксу».

Да, Маркса не читают, Маркса плохо и не по существу знают, напугались западных споров о его ранних произведениях. Делать что-то надо. Но не за счет Ленина.

2) Против тезиса Шахназарова: «вписаться в мировое сообщество, сказать, что мы такие же, как все»…

Тут я был ядовит. Сила – в нашей неординарности. «Сказать (что мы хотим вписываться)?» Мы (т.е. Горбачев) говорим это Западу уже три года. Этого мало. Для Рейгана (последние его три речи) мы все равно тоталитарное государство, очаг коммунистической экспансии, подавляем свой народ и т.д. Так было и так будет, в том, что касается Рейгана и К°. Но вот то, что ни одна западноевропейская газета не опубликовала этих его речей, и только две американские газеты опубликовали – это уже исторический факт.

На встрече с Шульцем М.С. врезал открытым текстом по Рейгану за его две речи. Но ни Шульц, ни Нитце, ни Раджуэй, ни Пауэлл – не стали протестовать. Потому, что они порядочные люди и им, видимо, стыдно за своего шефа, хотя по должности и должны были бы вступиться. Это – тоже знаменательный факт.

Ты, Георгий, говоришь: «мы – такие же»… Они тебе ответят. Извольте, раз такие же, тогда скажите, сколько у вас компьютеров на душу населения? Ах, в 48 раз меньше! Тогда гуляйте из великих держав. И мы относились бы к вам, как к Панаме, если бы у вас не было больших ракет… Пока это еще значит…

Тем не менее. Что мы имеем сейчас? Мы имеем брюссельскую сессию НАТО в верхах на тему: «Как остановить Горбачева!»

Вот так-то. Нет, не «такие, как все», а локомотив современного мирового развития в направлении нравственности и справедливости. Вот наша сила. И ее надо пестовать.

И третья тема: XIX конференция – рубежная. Но не надо узурпировать апрель 1985. Революция началась тогда. А конференция должна стать рубежом в том смысле, что на ней будет сказано: мы окончательно перерезаем пуповину с командно-административной системой и со всем наследием сталинизма. Особенно это важно сказать с учетом «Ниночки»… Ей и ей подобным это надо услышать с такой именно трибуны. Слово «необратимость» устаревает. Ребенок=перестройка уже родился. Утробный период ее кончился. И каким он вырастет, будет зависеть от чистоты пеленок, от качества питания и от новизны игрушек.

Сегодня написал план международного раздела для доклада на конференции. Собрал «своих» экспертов (Галкин, Вебер, Ковальский, Амбарцумов, Рыбаков, Гусенков).

Прокрутили мои идеи. Они много добавили интересного. План переписал. Попросил их поделиться мыслями письменно – до 1 мая. Завтра уезжаю в Волынское-2. Другие уехали сегодня.

Но у меня на подходе Арисменди, японцы (КП и СП), Фогель (СДПГ). И текучка. Сегодня, например, целиком переписал представленное Шеварнадзе, Чебриковым, Язовым, Добрыниным Заявление Советского правительства по Афганистану… И М.С. принял мой вариант без единой поправки.

С утра М.С. будет принимать Патриарха. Долго Иван мучился, как предложить называть: святой отец, Ваше преосвященство или мирским именем отчеством?

Великолепное выступление Яковлева – в прошлую пятницу перед аппаратом ЦК. И мысль, и слово, и страсть, и идейность, и ораторский дар! Пафос – где вы (мы) были, пока «Правда» не выступила и сказала: «можно опять защищать перестройку!»

19 июня 88 г.

С конца апреля – в Волынском-2. Изготовили проект тезисов к XIX конференции, которые М.С. передиктовал… Пришлось настаивать – с помощью Шеварнадзе – в международной части: чтоб была самокритика. Он согласился… И это – исторический сдвиг… Впервые мы говорим о внешней политике до 1985 года – критически.

Для доклада на конференции я подготовил вариант еще более критичный и с выходом на идеи об эволюции природы империализма… Что, впрочем, Хонеккер заметил уже в тезисах и в своем кругу выразил «фэ». Биляк – тоже. Вообще наши друзья очень боятся и перестройки и нового мышления.

Перерыв в Волынском в связи с Рейганом.

Большего, чем то, что в нашей и их печати, не придумаешь. Но – с моего угла: М.С. угадал возможность воздействовать на эмоции Рейгана. И сделал точно… Тот увидел, что мы не «империя зла», а обыкновенные люди, к тому же – с богатейшей историей и … такая махина, которую не запугаешь и не прельстишь. И это работает. Рейган до сих пор только и говорит со своими, как он ходил по Красной площади и по Арбату. Прислал М.С. личное письмо: «Михаилу от Рона». Я подготовил обратный проект: «Рону от Михаила», но М.С. что-то третий день держит, то ли руки не доходят, то ли обдумывает.

Сразу после Рейгана мы переместились в Ново-Огарево (готовить партконференцию). М.С. приезжал каждый день в 10 утра и сидели вместе до 10-11 вечера. Он передиктовывал наши проекты.

Мы – это Яковлев, Медведев, Лукьянов, Фролов, Шахназаров, Болдин и я. Никого больше…

Проект переделки политической системы ошеломит, конечно, прежде всего его коллег в ПБ… Позавчера он разослал доклад (104 стр.). Завтра обсуждение на ПБ.

Ошеломит потому, что большинству из них в новой системе не найдется верхних мест.

М.С. долго колебался и вслух перед нами размышлял: начать раздел с того, что я подаю в отставку, но предлагаю такую вот структуру (становление Генсека председателем – не Президиума, а Верховного Совета СССР, т.е. «президент»). И пусть конференция… или потом съезд Советов (новая институция) решает вопрос…

Ушел от этой мысли с рефреном: мне нового бремени не нужно. И в самом деле, перестройка не состоится, если ее не насаждать сверху. А насаждать ее хочет и может только М.С…., ну, может быть, еще 2-3 члена Политбюро и часть Секретарей ЦК.

Так что такое решение – судьбаносное.

Впрочем, судя даже по очень критическим и скептическим письмам и печати – все понимают, что перестройка – это Горбачев. Не будет его – все завалится при нынешнем ПБ.

Фролов в его присутствии рассказал анекдот, который его дочь принесла из МГУ: Открывается XIX партконференция. Первым в президиум идет Иван Сусанин, потом Горбачев, потом остальные. Сусанин подводит Горбачева к председательскому месту, а остальным говорит: «А с вами мы пойдем дальше»… Все хохочут. И М.С. больше всех.

Действительно – глас народа.

В промежутках Ново-Огарева были встречи с Наджибом и кардиналом Казароли. И то и другое знаменательно. Наджиб показал себя наивным и растерянным, недееспособным (просил оставить Поляничко – советник из КГБ - при себе), предлагал организовать совместную войну: СССР-Индия-Афганистан против Пакистана. Просил провести крупные операции с участием советских войск (правда, в третьем эшелоне) против моджахедов… для морального духа афганских войск… А если побегут? М.С. довольно грубо на то и другое дал ему отлуп.

Беседа с кардиналом была философской. И этот человек, за которым вся мудрость тысячелетнего христианства и хитрости иезуитизма… понял: он имеет дело с человеком, который открывает человечеству дверь в новую эпоху.

М.С. не стал рассылать запись своей беседы с Казароли по ПБ. Не хочет дразнить гусей, как он сейчас часто выражается по разным поводам. А такой разговор, конечно, был бы ими «не понят».

Печать неистовствует по поводу Сталина, Брежнева, и нынешних эпигонов. Невероятно откровенно обсуждаются тезисы и то, как аппарат замордовал выборы на партконференцию. Эпизоды с Афанасьевым и Гельманом на московской партконференции. М.С. защитил второго и «подсказал» Зайкову выдвинуть Афанасьева, которого забаллотировал райком…

А Афанасьев отплатил тем (как рассказал М,С. в Н-Огареве), что связался с итальянкой, регулярно посещает ее в гостинице, где она живет, будучи на студенческой стажировке и одновременно представляя ЦРУ.

10 июля 88 г.

Неделя после конференции. Так много написано о ней. Наиболее точные и тонкие наблюдения – в серьезной прессе. Кстати, только сегодня я вдоволь ее начитался и это меня успокоило. Они правильно увидели: М.С. – великий политик и он сделал максимум (и даже немного больше), чем было возможно. Он сам любит повторять, что политика – это искусство возможного.

Он и для участников конференции открылся теперь именно этой своей стороной, ибо они считали, что уже хорошо его знают. Но знали, как неординарную личность, интересного собеседника, искреннего человека, без позы и красования, увлекающегося, способного на неожиданные ходы и смелые решения, умного и находчивого и т.д. А тут они увидели политика с огромным самообладанием и владеющим (плюс его личное обаяние) искусством покорять и подчинять, вести.

Почему это меня успокоило. Потому, что у меня, как и у большинства интеллигентов, конференция оставила впечатление разноплановое: событие огромное, поворотное, небывалое, авторитет и любовь к М.С. – безусловный и поднялся еще на порядок, превосходство его и доверие к нему – всеохватывающие. Решения уникальны (резолюции), а состояние у всех – унылое, даже тревожное… Я даже хотел сказать ему об этом при случае… Но меня останавливало его бодрое и самоуверенное настроение в дни после конференции. И это, несмотря на Армению и прочие неприятности.

Политбюро он, правда, провел очень по-деловому, очень рационалистически, без всякого «взахлеба» оценив конференцию. Не заколебался согласиться с Лигачевым-Зайковым-Воротниковым, что вопреки закону о предприятии (ставя под удар дискредитации всю психологию хозрасчета) – оставить прежний порядок отправки горожан на уборку. Ибо – урожай под угрозой (будто так его можно спасти!)…

И все таки… Почему унылое настроение. Потому, что, во-первых, это, действительно, историческая конференция (ничего подобного не было с 20-ых годов) дала по морде прессе и интеллигенции, т.е. тем, кто опрометью бросился в перестройку и без которых она бы не началась и не продвинулась, без которых не могло бы быть и самой такой конференции.

Во-вторых, Лигачев выступил очень ловко, умело и подло, лживо, нахально… М.С. который раз убеждает, что партия, народ, страна выстрадали перестройку, что дальше так – гибель. Что перестройка, естественно, выросла из кризиса и т.д. А Лигачев сообщает, что все зависело от интрижки в ПБ, что он, Лигачев, был «в центре событий» и вместе с Чебриковым, Громыко и Соломенцевым назначил Горбачева в марте 1985 года…

А могли они, эта четверка, назначить и другого! Сообщил он также и то, что как Томскую область сделал процветающей, так и всю может, если бы не мешала, мол, болтовня о свободе, демократии и гласности.

Процитировал он и Пушкина – насчет того, что «в диких звуках озлобления» он слышит голос одобренья… Это в контексте, что его ругает западная пресса и местные «прорабы перестройки»… в то время, как Горбачева этот самый Запад избирает «человеком года» и не устает им восхищаться.

Лигачев сумел сполна изложить свою платформу, в том числе и тем, что поддержал Бондарева – реакционное, мракобесное выступление, а la «Нина Андреева», к тому же и с антисемитским подтекстом!

Плюс - почему унылое настроение – от эпизода: Бакланова[2] согнали с трибуны, Бондареву устроили овацию. Бакланов, конечно, показал себя еврейским хлюпиком – ему надо было после первых же хлопков и выкриков уйти. Это был бы поступок, вызов. А он уж очень хотел произнести речь, впрочем, достойную молодежно-литературного симпозиума, а не такого собрания…, да еще после Бондарева. Уверен, кстати, что реакция на Бакланова была еще и с антисемитским душком.

А М.С. – ему бы встать выше схватки Лигачев-Ельцин. А он треть заключительного слова посвятил Ельцину. И тем самым фактически присоединился к Лигачеву, во всяком случае «стерпел» его платформу и его оскорбления. Тут у него комплекс… Кстати, мне рассказал Яковлев, что М.С. не хотел говорить о Ельцине. И вроде бы в задней комнате в перерыве рассуждал с членами ПБ в этом духе. Но вдруг вошла Раиса Максимовна. И начала возмущенно поносить Ельцина. И что «это нельзя так оставлять». И вопрос был решен.

Яковлев сказал мне также и другое: М.С. очень боялся, что Ельцин в своем выступлении с трибуны (или кто-то еще) назовет Раису Максимовну и получит большие аплодисменты. Теперь я понимаю, почему он был злой, даже выходя из зала, когда уже стало ясно, что Ельцину невозможно будет не дать слова.

Влияние Раисы Максимовны сказывается и в другом. Перед последним днем конференции М.С. собрал нас (уже после заседания, часов в 9 вечера в комнате президиума БКД), чтоб посоветоваться о своем заключительном слове. Были: Слюньков, Болдин, Яковлев, Фролов, Шахназаров и я.

Некоторые рассуждали, давали советы, сам он фонтанировал. Высказывался и я, между прочим, предложил: почему бы не сказать об уроках того, как прошла сама

---

[2] *Г. Бакланов, как и Ю.Бондарев, - писатели в 50-х годах положившие начало, так называемой, «окопной правде» в прозе об Отечественной войне.*

конференция, плюсах и минусах. В частности, невозможно, мол, пройти мимо такой «ложки дегтя», как выступление Бондарева – реакционное, мракобесное, антиперестроечное и т. д. М.С. меня остановил, махнув на меня рукой: «А ты видел, как реагировал зал?»

- Видел! И от этого было особенно стыдно. И именно поэтому об этом тем более надо сказать.

Все промолчали (хотя и Шах, и Иван, и Яковлев – один на один втихоря выражали свое возмущение Бондаревым, и как его поддержал Лигачев...). Впрочем, шах мне сказал, что Иван, когда Лигачев подошел за чем-то к ряду, где мы сидели, горячо жал руку Е.К., поздравляя его с «блестящей речью». Сам я не видел. Но Шах уверяет, что это было при нем и он теперь до конца понял, «кто такой Фролов», который все время хвастается, каким он был праведником и принципиальным на протяжении всего застойного периода!

Так вот. Все смолчали. А М.С. отрезал: «Не буду я делать то, что ты предлагаешь!»

А теперь я узнаю следующее... М.С. едет в Польшу. В списке сопровождающих, подготовленном Медведевым, Отделом науки, Яковлевым значился академик Лихачев (М.С. предстоит там большая встреча с учеными и деятелями культуры). Там был и Сагдеев. Не думаю, что список составлялся без ведома М.С. И вдруг он (уже дня три спустя после конференции) вычеркивает и того и другого. И предлагает... Бондарева. И это, несмотря на то, что ему сообщили, что оба академика уже собрали чемоданы и очень польщены таким доверием... В ответна наше «нехорошо получилось»... М.С. был тверд. К чести Медведева – он решительно уперся против Бондарева и не допустил его включения: мол, поляки не поймут... это же отъявленный великорусский шовинист! Но академиков из списка убрали... Подозреваю, что тоже работа Р.М., которой Лихачев ее «начальник» по Культурному фонду, видимо, чем-то ей уже не угодил.

Страшная слабинка в этом пункте (Р.М.) у М.С. и опасная для его авторитета. Поговаривают, что и Фролова он любит и смотрит сквозь пальцы на его наглое безделье и эксплуатацию своего положения помощника в академических целях потому, что Раиса Максимовна училась вместе с его женой и они чуть ли не подруги в прошлом.

М.С. готов выполнять мгновенно малейший ее каприз. Он чуть не прогнал Гусенкова, когда во время контактов Р.М. с Нэнси Рейган (Гусенков отвечал за «женскую программу») что-то ей показалось не совсем так, как ее подают на TV. Сама она говорила с Гусенковым «повышенным» тоном, выговаривала ему и намекала: «может нам (!) расстаться». Словом, зарывается.

Это очень плохо. Яковлев давно увидел опасность отсюда – я тогда думал, что он преувеличивает.

Ну, а я-то сам? Доволен ли я своей работой за эти месяцы подготовки и проведения конференции. Да, доволен. Я, действительно, много делал помимо международных разделов и тезисов, и доклада, и первой резолюции. Во всех трех случаях он принимал мое «с первого предъявления» и не передиктовывал, хотя и сгладил некоторые мои слишком критические углы.

Словом, международные разделы почти не отняли лишнего времени у самого М.С. и у всей Ново-Огаревской и Волынской бригады.

Но не только в этом… Яковлев – бригадир давал мне на переделку все остальные разделы (кроме экономики), причем, дважды. А фроловские куски я просто переписал (да и писал-то их не он сам, вызывал из «Коммуниста» своих белых рабов – Лациса и Колесникова). Фролов, не моргнув, выдал их за свои, хотя и не знал, кто их переписывал… Видимо, решил, что Яковлев – бригадир.

И при проходке-передиктовке всех текстов – доклада и резолюций я вторгался не раз, вызывая раздражение М.С. (Он позволяет себе довольно невежливо меня «сажать на место», хотя я огрызаюсь, и никогда – Фролова, - академик! – и опять же – не обидеть бы Р.М.!)

М.С. взял меня в первую комиссию – по первым двум главным резолюциям. И поскольку никакого «аппарата» при ней (165 чел.) не было, результаты дискуссии в комиссии превращал в текст я. И М.С. практически все принял, в том числе и знаменитую клятву, что «КПСС никогда больше не допустит ничего подобного культу и застою». Весь мир обратил на нее внимание: «КПСС этим достигла вершины разрыва с прошлым» («Массаджеро»).

Словом, я доволен своим анонимным вкладом в это «переломное событие» нашей истории.

О Русте. Еще в Ново-Огареве по какому-то поводу зашла о нем речь.

М.С.: «Что с ним делать?» Я сразу встрял: «Отпускать надо. Сразу после конференции – как демонстрация гуманизации, которой она даст импульс. И не надо это – не дай Бог! – делать близко к визиту Коля или Геншера».

Меня сразу поддержали Лукьянов и Яковлев.

М.С. тут же решил – отпускаем. И велел Болдину позвонить Чебрикову, чтоб готовил. Прошла конференция. А бумаги на этот счет нет. Вчера после встречи с президентом Индии в Екатерининском зале я говорю ему: «Михаил Сергеевич, Вы уезжаете в Польшу. Сейчас окунетесь в последнюю подготовку. А у меня дела».

Он: Вот пойдем сейчас в ЦК, там и поговорим.

Я: Как пойдем?

Он: Так вот и пойдем, ногами. Вышли из здания и пошли. Охране он велел «отскочить подальше», чтоб «не мельтешили». Идем вдвоем. Еще в Кремле – народищу, экскурсанты, туристы. Ошеломление полное. Кто в растерянности останавливается, жмется к стене, кто бросается жать руки, бабы – так те прямо на шею кидаются. Он пытается говорить с ними, у них, конечно, дар речи исчезает. Что-то восхищенно восклицают, хлопают. Подходит к одной группе, затевает разговор – о жизни, о конференции, спрашивает кто откуда, реагирует на их реплики. Попалась группа молодых французов, с ними пообщался. У Александровского собора сбежалась огромная толпа: свои – от Хабаровска до Минска, болгары, чехи, ГДР'овцы. Каждый норовит себя назвать, пожать руку, прикоснуться к нему. Когда подошел к французам, подлетела какая-то наша провинциальная тетка, говорит: «А я? А я?» Он ее обнял, что-то сказал, так и простояли они обнявшись, окруженные ликующими, восклицающими и фотографирующими французами. У колокола еще с одной толпой поговорил... и быстро пошел к Спасской башне. Народ бежит к нему со всех концов – от пушки и сада. Прошли Спасские: вся Красная площадь сразу заколыхалась. Я ему говорю: Вот здесь Руст сел. Помните, Вы хотели покончить с этим... Да, да, говорит, хорошо, что ты напомнил. Сейчас придем – позвоню. (И действительно, как пришли – позвонил Шеварнадзе, Чебриков в отпуску) и велел «сегодня же» представить бумагу.

Очередь у Василия Блаженного рассосалась. Люди ринулись к ограде. Тут какие-то шведы – обнимаются, говорят что-то. Один мужик положил ему руку на плечо, говорит: «Михаил Сергеевич, поменьше работайте, берегите себя, видно ведь, как Вы устали» М.С. тоже похлопал его по плечу: «Ничего, говорит, друг. Выдюжим. Только сейчас и работать. Отдохнем потом». Народ – сотни – из-за ограды храма орут: «Михаил Сергеевич, мы с Вами, держитесь. Всегда с Вами. Хорошо. Спасибо». «Пойдем, говорит, по улице Разина. Мимо «России» хочу пройти. Я всегда тут останавливался, когда из Ставрополя приезжал». Перешли дорогу к дому интендантства. Итальянцы навстречу, человек 25... Те уж совсем не стесняясь повисли на нем со всех сторон. И я заметил – из 25-30 сколько их было – каждый либо руку пожал, либо обнял, либо подержался за локоть, за талию. Кричат. Зовут в Италию... Восторг неподдельный.

Прошли по ул. Разина перед изумленными прохожими. А начиная с Ипатьевского – перед изумленным аппаратом ЦК, который в это время массой двигал в столовую.

Так вот дошли до подъезда, он забрал меня в кабинет на текущие дела. И тут я узнал, что с 1 августа он идет в отпуск. «И ты собирайся, поедем опять вместе... И, может

опять что-нибудь придумаем»… (Намекал на то, что в 1986 году в отпуску «придумал» Рейкьявик, в 1987 – Книгу «Перестройка» и доклад о 70-летии).

13 сентября 88 г.

В сентябре М.С. собрался в Красноярск. А я оказался на Мичуринском, в больнице с сердцем. Опишу на досуге, что было в Крыму.

С 1 августа до 4 сентября - в «Заре» (возле Фороса). В четвертый раз М.С. берет меня на свой отпуск. Это – на диком пляже возле Тессели, где я отдыхал в свое время, плавал за скалу. Но прихвачена и вся территория до маяка (Сарыч). Царский дворец в «Ливадии» - пошлый сарай по сравнению с тем, что здесь изготовлено. Я его спросил на другой день: нравится здесь? Он сказал: да… только, правда, кое-какие излишества понаделали, например, эскалатор к морю, но это не на меня было рассчитано (намек на Брежнева или Черненко). Лукавил: тессели-форосские жители говорят, что все было сооружено за полтора года.

Зачем это ему? Слухи не только в Крыму, но и в Москве: стоило то ли 189 млн, то ли около того. И еще молва, - в Мессерах (возле Пицунды) еще одна «дача» – 132 млн. Возможно цифры накручены… Но пусть даже в два раза меньше, а меньше «Заря» не стоит. Плюс целая армия охраны и обслуги… Зачем это ему? Или и здесь он не может устоять перед нравами и вкусами Р.М.? – с ее провинциальной психологией: раз уж дорвалась… и раз уж муж такой великий и себя не жалеет для страны!… Под впечатлением этой «Зари» у меня впервые по крупному закралось сомнение, как бы это сказать, в бескорыстии что ли подвига перестройки, .. но подвига. Это слово я записываю без всяких кавычек.

Изменились и наши отношения… даже не по сравнению с Пицундой (там уже были признаки) – с прошлым летом. Непосредственности в нем еще много. Он увлекся, например, стенограммами первых съездов партии после 1917 года, VIII, XI, XII. И когда приглашал нас с Тамарой Прокофьевной (стенографистка), на этот раз никогда одного меня, - увлеченно, как начинающий студент читал вслух куски, комментировал, делал выводы для нас сегодня, очень точно философствовал по поводу полемики на тех, ленинских съездах…

Но, в отличие от прежнего, он уже не «разговаривал» запросто и, когда я начинал что-то такое, с чем, как ему казалось с первых слов он все равно не согласен, он тут же перебивал и довольно безапелляционно излагал свое, давал понять, что на этом дискуссия и закончена.

Я избрал другой метод, которым, впрочем, пользуюсь почти каждодневно и в Москве (но тут другое дело, здесь у него десятки живых собеседников)… Пишу или диктую на отдельных бумажках свое мнение, оценку, предложение и посылаю ему среди других документов, которые идут к нему через меня. Иногда он учитывает – об этом узнаю много позже или косвенно. Иногда он реагирует сразу: звонит. Но только, если принимает. Иногда просто игнорирует и девочки мне возвращают мои записочки без всяких пометок.

Бывает, что поступает (как бы это выразится – с учетом: кто он и кто я!) не уважительно, хотя сам любит это выражение и часто употребляет публично. Например, Шеварнадзе затеял статью о 1939 годе. Он мне звонит поздно вечером в Тессели (где я жил, в пяти минутах ходьбы от своего «места работы» возле его дворца, но в объезд на машине - 11 км. Три раза в день: утром, в обед, после работы): срочно прочти, скажи свое мнение. Я написал целую рецензию. Он с ней согласился и еще от себя добавил: мол, Англия и Франция натравливали Гитлера на нас, а Сталин их хотел натравить друг на друга. Или: «в два дня такие дела не делаются» (т.е. 20-го Гитлер прислал письмо, а 23-го уже пакт подписали)… Словом, рассуждал довольно решительно в духе статьи Кулиша в «Комсомольской правде», которая появилась через 2 дня. И согласился со мной, что Договор 23 августа порочен в принципе и принес только беды и потери.

Сам позвонил Лигачеву. Договорился, что статью снимают: мол, в следующем году 50-летие войны, к этому времени подоспеют исследования, тогда официально и определимся. И меня еще вдобавок попросил позвонить Лигачеву – «разъяснить в деталях».

И что же? 1 августа в «Правде» появляется статья за теми же подписями, что и в первом варианте, чуть поправленная. Глупая, бездоказательная и фактически выгораживающая Сталина.

Конечно, я у него самого «объяснений» не позволил себе спрашивать (в прошлом году, при других отношениях спросил бы). Узнал у Болдина и Воронцова, что же произошло. А произошло следующее: Лигачев понял мнение М.С. как «неудовлетворенность» данным текстом. И поручил авторам (через Воронцова) доработать. Новый вариант прислал М.С. и тот вернул статью без пометок Болдину, а Лигачеву дал добро!

И это, несмотря на то, что для него совершенно ясно (и я писал ему в своей рецензии), что, если он не собирается отменять гласность, то историки все равно придут «к Кулишу» (или что-то в этом роде). И зачем ему повязываться с этой ущербной концепцией, которую ему уже один раз навязал Фалин (через Яковлева) в докладе о 70-

летии Октября (теперь он мои возражения отмел). Но с тех пор, как и во всем другом, много гласной воды утекло. Запад, конечно, очень четко отреагировал на эту статью – как победу лигачевской линии в данный момент.

С другой стороны. Прислал Чебриков проект своего интервью для «Правды» о работе КГБ в условиях перестройки. Я его разрисовал бесцеремонно и послал ему (особенно насчет «идеологических функций» КГБ и отношений с рынком и кооперацией). М.С. не только согласился со всеми моими вычеркиваниями и пометками, но, как я увидел, по тексту уже в газете, еще и от себя добавил.

Вот два контрастных примера. О чем они говорят? Что у него уже появился в отношении меня (а может и не только) «инструментальный» подход: делает человек свое дело и пусть, - что приемлемо возьму, что – нет, отброшу. А объясняться с ним некогда и незачем. Переживет!

В общем-то эти мои обиды смешны. Он переворотил всю страну. Вернул ей нормальный человеческий образ. Он, можно сказать, спас человечество от катастрофы, которая неизбежно произошла бы, если бы мы продолжали брежневскую внешнюю политику. Он, действительно, войдет в историю наравне с Лениным, чем бы перестройка ни кончилась.

А я кто такой? Все так. Но… в отношении меня в нем начинают проявляться черты, которые могут исказить его самого, как политического деятеля перестройки и нового мышления… Как в капле воды, «согласно незабвенному Пономареву».

Забирая меня с собой на Юг, он говорил, что там предстоит сделать:

- подготовить материалы к лекции (или брошюре) «о социализме»;
- подготовить основную речь для Красноярска;
- разработать концепцию преобразования ЦК и его аппарата.

Кроме того, надо было довершить послесловие к польско-советской книге (по итогам его поездки в Польшу), которую он обещал польским интеллектуалам. Кстати, я тоже там предлагал ему отойти от оценки 1939 года, которую он дал в докладе о 70-летии. Но… увы! Осудил Договор 28 сентября – о дружбе и границе с Германией. На это он пошел. Но это не ново…

Думаю, что тут сыграли свою роль бурные митинги в эти дни в Прибалтике… Признать порочным 23 августа 39 года - значило для него поставить под сомнение присоединение Латвии, Эстонии, Литвы… Хотя он отчетливо видит и не отрицает, что с самого начала «присоединения» было вмешательство.

«О социализме» получилось довольно много. Он продиктовал вводную часть: зачем нужна сейчас эта тема? Теперь мозги разбрелись настолько, что уже никто не знает, где социализм, где нет, и вообще что это такое.

Потом я сделал обобщение – какие выявились в нашей печати оценки нашего общества до перестройки: был ли это вообще социализм и т.д. Четыре главных направления – от Афанасьева до Астафьева.

По предварительному анализу, который я попросил сделать Амбарцумова, плюс книга «Иного не дано», я на 30 страницах изложил эволюцию концепции Ленина о социализме (понятие). На 40 страницах суммировал и оформил единым текстом то, что сам Горбачев за эти три года наговорил на эту тему – как он себе представляет социализм.

Но сам он над всем этим объемом, который я ему неделя за неделей вручал, не работал. А когда приехали и он в понедельник собрал помощников, сказал, что вот такой материал есть, теперь его надо превратить «из количества в качество» и готовиться с ним к Пленуму ЦК, на котором будет утверждена реорганизация политической системы. Вот тут-то и понадобится «теория социализма». Сказал, что работать надо всем, а бригадиром – Иван Тимофеевич, - произнес он, не моргнув глазом.

Вот магия академического звания, искусственно, карьерно-бюрократически полученного… Несмотря на то, что уже подготовка XIX конференция показала, что Фролов, кроме болтовни на эту тему … «о человеке» ни на что не способен и настоящей амуниции у него нет. Гораздо больше ее – у Шахназарова, а я просто больше читаю на эту тему, живу ею… Я обнаружил, что по философии-то в своей жизни прочел и изучил больше, чем философ-академик Фролов… Но что сделаешь! Впрочем, мне уже и тут совершенно ясно теперь, хотя меня со многих сторон и раньше «информировали», что тайна его благоволения к Ивану в Р.М. «Откуда» он (от Р.М.) и появился при М.С. Ну, да Бог с ним! Прости мою душу грешную!

Над красноярской речью М.С. работал на Юге очень основательно. Диктовал много раз, даже иногда на ночь по простому телефону в Тессели.

Международный раздел (второй этап «Владивостокской инициативы») я сделал быстро, проговорил его с МИД'ом, Ахромеевым и Каменцевым (внешнеэкономическая комиссия). М.С. одобрил, принял, похвалил (что редко от него услышишь) и больше к нему не возвращался. Но зато – мучительно вырабатывал внутренний раздел. Его очень беспокоит ситуация, которая сложилась после партконференции. Это объективно так получилось, но конференция подлила масла в огонь: аппарат понял, что дни его сочтены и в лучшем случае перестал работать, практически выключив старый механизм административной системы (в худшем же – устремился доказать, что все это –

горбачевская авантюра). А новый механизм не начал работать… И на полках ничего нет. В Москве говорят – это хуже, чем при Гришине… и усиленно сравнивают с двумя годами, когда на Москве был Ельцин.

Стала раздражать его интеллигенция, которая подкладывает паникерские анализы, выдает факты, будто в 27-ом, и в 50-ом, и в 68-ом годах продуктов было полно и бери где и что хочешь.

Запрашивал цифры, данные. Диктовал одно, другое, перечеркивал. Искал подходы. Но в Москву все таки привез текст «оправдательный», «уговаривающий». И только здесь нашел правильный ключ: дело затеяли трудное, но другого не дано, будем идти только вперед, а тот, кто взялся по-новому, уже имеет реальные результаты. Не спрашивайте у меня, как с перестройкой. Это я у вас должен спрашивать: я дал вам полную свободу действовать так, как вы сами считаете. Так действуйте. Кормите, одевайте, обустраивайте себя и т.д.

Эта концепция пришла ему в голову в Севастополе, куда он решил поехать на экскурсию за день до отлета в Москву. У самой набережной он был встречен многотысячной толпой, с которой в спорах и полемике провел три с половиной часа всей своей «экскурсии» (о чем я его и предупреждал).

Когда его на Сапун-горе довели: с сахаром, с жильем, с подпиской, с пенсиями, с провалом закона о предприятии, с Крымской АЭС и т.д., он (впрочем, ни разу не вышел из себя, умеет говорить с людьми) сказал: Я что вам царь? Или Сталин? Вы что – хотите, чтоб я ездил по городам: тебе - квартиру, тебе – пенсию, тебе – справедливую зарплату, тебе – порядок на фабрике? Нет. За два года вы могли разглядеть людей – кто годится в лидеры, в организаторы. И выбирать. И прогнать негодных. И сорганизоваться и сделать так, как вы сами хотите. В этом суть перестройки. Значит, вы ее в корне не поняли, если требуете с меня и ждете от Москвы разрешений и подачек.

В результате заготовка для Красноярска получилась сильной и «оптимистичной»

Я тоже его «похвалил», когда он мне звонил в воскресенье, в последний день перед отлетом.

14 сентября 88 г.

Вчера я смотрел М.С. в Красноярске по TV. Он великолепен, особенно на встрече с учеными и хозяйственниками. Спокоен, уверен, квалифицированно реагирует и ведет разговор. Не раздражается, но остёр и даже резок, без обидных и оскорбительных оттенков. И сразу видит человека – стоит ли его вообще спрашивать, вступать в полемику.

Загораются черные острые глаза, если человек интересный. И тускнеет лицо, отводит взгляд и замолкает – если чинуша. Словом, настоящий лидер страны, которую он освобождает от идиотизма, о котором нам повествуют ежедневно, еженедельно и ежемесячно газеты и журналы. Торжество здравого смысла. Казалось бы, как просто!

Кстати, в таких вот живых беседах он «выговаривает» внезапно (может быть, и преднамеренно, но в своей народно-аристократической манере) то, на что он не всегда идет в официальных выступлениях. Вот вчера. Вытянул на трибуну знаменитого директора совхоза Вепрева (действительно, государственный человек – в отличие от некоторых министров на той же трибуне). Тот говорит: скоро крестьянина будем записывать в «Красную книгу», если и дальше так пойдет. Спасение – семейный подряд.

М.С. ему: Не очень-то многие рвутся на подряд.

Вепрев: Но надо уйти от постепенности. Так дальше продолжаться не может.

М.С.: А я вам задам прямой вопрос. Один раз мы уже сплошную работу быстро провели - в 29-30 годах, и до сих пор расхлебываем… Не загонять в аренду. Скомпрометируем глубокий поворот.

Вот и оценка коллективизации. Окончательная. А официально он этого еще не заявил. Видимо, хочет это сделать на аграрном Пленуме. Готовится к нему – на Юге все время делился. (Кстати, термин «раскрестьянивание страны» я ему подкинул. Он сразу ухватился. И вот пустил в ход).

Я вот к чему: спрашиваю (в Тессели) у интеллектуалов Галкина и Красина, листали ли они сборничек «Визит М.С. в Польшу»? Нет. Потому, мол, что, заурядное, дежурное дело… Банальные вещи не по профилю… И напрасно, говорю я им, потому, что в разговорах с поляками на улицах и с их академиками он «выстрелил» много такого, чего он официально еще не говорил, во всяком случае так определенно, по самым разным, в том числе сугубо «идеологическим» вопросам.

О его работе над запиской по реорганизации аппарата ЦК (в «Заре»). Диктовал дважды. Дважды просил меня потом поработать над текстом, оформить, может быть, добавить, «если что у тебя появится».

Главные идеи: если сейчас соберем съезд (партии), «нового» ЦК не получится, «новые» кадры еще не выявились. Но надо вести дело к коренному обновлению ЦК. И потом – чтоб это был работающий орган и чтоб люди были не по должности, а по уму, по способности быть революционерами-перестройщиками. Создание комиссий из членов ЦК, чтоб они вырабатывали политику. А Отделы – их аппарат.

Сам аппарат. Почти 3000 человек. Он сначала сказал: сократим в два раза. Я стал настаивать, чтоб в три. Договорились сначала в 2-3. В окончательном виде «в 2 и более».

Это, конечно, существенно. Но не главное. Убирает из аппарата ЦК почти все хоз-правительственные подразделения, производственные отделы. Оставляет социально-экономический отдел, но как теоретическую единицу, лишив (полемически – против кого-то из давших ему «соображенияй», потом на ПБ стало ясно – Долгих) всяких управленческих прав. Категорически! Ибо иначе все вернется к прежнему.

Из экономико-функциональных оставляет аграрный Отдел. Уж слишком острая проблема. Но – временно. Пока не наладим…

И оборонная промышленность. Но на ПБ возразил Рыжков: будет опять «руководить» военно-промышленной комиссией Совмина. И М.С. согласился: должен быть концептуально-контрольный Отдел для военной политики Генсека, как Председателя Совета обороны. Я ему еще в «Заре» говорил: не нужен этот Отдел. Будете вы президентом, при вас и создать группу «экспертов»…

Один Международный отдел – вместо трех.

Один Идеологический отдел – вместо трех.

Ну Управление делами ЦК, Общий отдел (канцелярия).

Прямо не написал, что упраздняет Секретариат ЦК. Но и дал понять во фразе, где сказано, что аппарат будет обслуживать ПБ и секретарей ЦК.

Когда он диктовал, я ему: а куда денутся нынешние секретари, ведающие Отделами? Вы вот их фактически запиской ликвидируете и в то же время поручаете «Секретариату» подготовить «конкретные предложения по реорганизации аппарата в духе записки»…

Просверлил меня своими черными углями: Это – мой долг. И пусть думают. И – о себе. Я-то ведь думаю… Смягчился.

Правда, по приезде в Москву на встрече с одними помощниками раскрыл, как он думает. Может быть, тогда мне не сказал, потому что стенографистка присутствовала.

Так что он «думает»?

Развести Лигачева и Яковлева и обоих «освободить» от идеологии. (Ох, хитер!). Яковлева – на Международный (объединенный) отдел, куратором. А.Н. сам просился на это, чтоб уйти от каждодневных столкновений с Е.К… и (в тайне): пусть, мол, дураков нанимает сочинять ему речи (без амортизатора, вроде прибалтийских речей А.Н. в ответ на черниговскую речь Лигачева).

На Идеологический отдел – Медведева. И хорошо о нем говорил… Экономику знает, и с Ленинграда еще в идеологических сферах работал. Грамотный и с характером. Мне, говорит, иногда морду ему набить хочется. На ПБ, например. Все, кажется, обговорили, едва-едва компромиссом как-то уладили. А он встает и качает свое… И

дельно, неотразимо, сухо, спокойно выдает аргументы… И нравится мне это. Имеет свое суждение и не оглядывается, упорно отстаивая свое мнение.

Мы, особенно я, усиленно поддакивали и «добавляли»:

- Слюнькова на социально-экономический Отдел;

- Воротникова сделаем председателем президиума Верховного Совета РСФСР: «пусть он продолжает ворчать». А премьера для России подберем из новых, смелых, сделаем его кандидатом в члены ПБ.

- Добрынина – на пенсию. Секретаря из него не получилось. Как был послом, так и остался. Но полезен. И где-нибудь можно будет его пристроить – в комиссию Верховного Совета, или в комиссию ЦК

- Что делать с Лигачевым? Я думал, может, направить его в преобразованную КПК. Но для этого лучше подходит Пуго. Он честный, умный. Но Латвия его не приняла: «не свой». А «свой» там есть, подпирает уже…, назвал какую-то латышскую фамилию (как он все помнит!).

- А Лигачева – на аграрный отдел. Это он знает…

Мы, помощники, дружно поддержали такой расклад.

Еще один Отдел ЦК – правовой. И тут он поговорил всласть о том, что это (т.е. политическая система) – решающий участок нашей продленной революции. Это надо постоянно иметь под боком.

Как-то я не усек – ставит ли он на этот Отдел Лукьянова, или хочет его в Верховный Совет, поближе к президенту.

Бирюкову похвалил. Хочет ее сделать зампредом по легкой промышленности или председателем ВЦСПС (где она и была). Но больше склоняется к первому варианту. Умная, деятельная, принципиальная, вцепилась в дело хорошо… и женщина.

Да, в связи с Пуго добавил: надо насыщать центральные органы людьми из республик. И в ПБ тоже. Я бы готов хоть сейчас взять его в центр. Но кого взамен? Ни одного нет, даже на подходе. Вот – плоды кадровой политики, с позволения сказать!

Записку он разослал по ПБ и секретарям. Она 8-го октября обсуждалась в течение 6 часов на ПБ. Все, конечно, «за». Но с оттенками.

Особая «забота» была – что делать с увольняемыми. М.С. доложил: тех, кто еще «ничего» и правильно настроен – отправить в государственную службу, в СМИ, в науку, в вузы, в дипломатию. Но большинство утратило профессию и с ними придется расстаться. Был проект Болдина-Кручины: разрешить отставку с любого возраста с пенсией в 90-95 % от того, сколько им полагалось бы в 60 лет.

Не приняли. М.С. сказал, что в этом увидят «привилегию», да еще для тех, кто правил в застойный период. Подумать надо. Рыжков сказал: это касается партийного аппарата и выборных органов, а как быть с министрами?

Словом, отложили на доработку. Вопрос – симптоматичный: уже сейчас никто не хочет идти на партработу, бывшие секретари парторганизаций отказываются переизбираться. А если так махануть сам аппарат ЦК, то уж и подавно никого не затянешь.

М.С. в записке предусмотрел повышение зарплаты партработникам.

Вчера в «Знамени» № 9 прочел В. Тендрякова «Охота» - 1948 год. О Фадееве, о космополитии. Талант бьет из каждой фразы. Сила действия огромная… Повесть - явление морально-общественного значения, трудно с чем сравнимое…

И особенно то, что это написано сугубо русским человеком. Там опубликован Эмка Мандель (Коржавин). Напомнило, когда я его знавал. И особенно один эпизод. Ехал я с работы. Жил еще на Кутузовском. В троллейбусе. Поздно. Троллейбус пустой. На работе в киоске купил книжонку – сборник его стихов. Перелистываю. И наткнулся на «из Некрасова»:

У Некрасова:

Коня на скаку остановит
В горящую избу войдет.

Коржавин продолжает:

А кони все скачут и скачут,
А избы горят и горят.

Я захлебнулся в рыдании. Там, в троллейбусе. И с тех пор, как вспоминаю эти стихи – плачу.

Просмотрел два номера «Коммуниста» (12 и 13). Темы: собственность, бюрократия, «о социализме», профсоюзы. Бухарин. История морали после 17-го. Дарвинизм. Религия и национализм.

«Коммунист» стал лидером передовой мысли.

Глупая статья Арбатова в «Известиях». Выставил себя на посмешище, открылся – что он в общем в науке, в теории – невежественный человек. А высунулся, потому что не может с достоинством принять, что оказался таки на обочине. Уж держался бы своего реноме – эксперта по США. Тут еще куда ни шло. Думаю, что подорвет остатки кредита доверия и у М.С. А вся общественность будет потешаться.

Я тут с ним повздорил довольно грубо: он явился «без спросу», хотя я его просил не приходить, потому что каждая минута была на счету (перед Красноярском). Он таки зашел и начал свое брюзжание: будто солидные ученые уже отворачиваются от М.С., писатели уходят от борьбы, потому что он не поддержал прорабов перестройки. Цены. Магазины и проч. Я взорвался. Наговорил грубостей.

Потом извинялись друг перед другом по телефону.

15 сентября 88 г.

Из разговоров в Крыму.

М.С. не перестает восхищаться Бухариным. Читает его. Я ему подложил еще несколько его брошюр и статей 25-27 годов. Думаю, что знакомство с Бухариным еще прошлым летом очень сильно повлияло и на оценку «эпохи культа» и на его решимость насчет реабилитации. Знакомясь с обстановкой в партии и вокруг Ленина, он много воспринял. И опять же особенно его занимали отношения Ленина с Бухариным, о котором он произносил: «Какой талант! Какой ум! Увлекался! Не додумывал! Торопился! Но все время думал, думал,... продолжал ленинскую мысль. И ни одно столкновение с Лениным не проходило для него так: умел учиться, умел поправляться».

Надо рассказать о реакции М.С. на горьковскую речь Лигачева.

Начитаешься всего в журналах, газетах – и хочется обратиться к основам: читать «Бесы», «Идиот», Толстого, Чехова… Много, оказывается, не освоил у них в свое время. Не вернуться ли ко многому, что прочитано было поверхностно и глазами еще мало видящими?

Да и вообще: больше я читал западного, чем русской классики.

Бурлацкий в «Литературной газете» 14 сентября – «Брежнев и крушение оттепели». Это – событие и поступок, несмотря на Федькины тщеславные заскоки. И очень полезный поступок – для всех, в том числе для М.С. (думаю ему в душе понравится, хотя может по отдельным пассажам и выскажется в свойственной ему манере!).

Так вот – о Лигачеве. Тессели. Кончилась программа «Время».

Звонит М.С.: Ты видел, что наговорил Егор (в Горьком)?

- Видел.
- Ну и что?

Не помню, что точно я сказал, но помню, что грубо – в том смысле, что это выпад против всего нового мышления, против самых его основ. И что я – хоть и говорил раньше вам: готов, мол, согласиться, что это от непонимания, от того, что даже Ваши ближайшие

коллеги не в состоянии прочитать-то, что Вы говорите публично, что подписано ими самими в официальных документах перестройки, теперь (включая речь Е.К. на XIX партконференции) я убежден, что тут – программа, пусть топорно сработанная, но сознательно двигаемая и противопоставляемая Вам. И она имеет за собой не только кадры, но и структуры… И что уж, если что и вносит сумятицу (о которой сказал Лигачев), так именно эта «безнаказаная» демонстрация альтернативы новому мышлению.

Он выслушал, не перебивал.

- Ну, ладно, ты, как всегда обобщаешь. Напиши мне завтра основные твои соображения… о международной части его выступления. Но коротко… Для разговора (с кем?).

Утром я это сделал, но не удержался и от оценок всей речи и претензий оратора, в частности, сослался на то, что в публичных выступлениях других членов ПБ и секретарей после XIX партконференции никто не затрагивал международную тему. А этот – взял не просто какой-то кипящий международный вопрос, который члену советского руководства нельзя было бы оставить без реакции, а теоретическую суть – классовость международного развития.

Он это получил. И – ни слова. Ничего он не сказал мне и о выступлениях Яковлева в Риге и в Вильнюсе, последовавших сразу же после Лигачева. Я пытался навести его на разговор, ибо у А.Н. был прямой ответ Лигачеву. Спросил, читал ли он полностью речи Яковлева в «Советской Латвии» и в «Советской Литве»?

Коротко ответил: Нет.

Я понял: он не хочет меня втягивать в раздор между двумя членами ПБ. Значит, не доверяет, боится, что я не оставлю его суждение при себе.

Через 3-4 дня я попросил Шишлина прислать мне из Москвы статьи из английских, французских и американских журналов по поводу этого эпизода с Егором Кузьмичем и Яковлевым. В радиоперехватах эта тема уже гуляла. И М.С. обратил на это внимание. И почему-то в разговоре по телефону удивленно замкнулся – «они там все усекли»…

Я дал ему эти статьи. Особенно сильная и умная – из «Economist'а»: полный и точный расклад между Лигачевым и Горбачевым в предполагаемой ситуации.

Он оставил при себе. Это уже понятный признак: оставил в своем «архиве». В противном случае, т.е. когда не придает значения, возвращает без пометок.

Вернулись в Москву. В понедельник, 5-го, он собрал помощников. И когда разоткровенничался, как и куда он хотел бы расставить своих коллег, возникла и проблема Лигачева. Шахназаров и Иван высказались резко. Иван привел пример с

письмом какого-то московского инженера, который написал на имя Е.К., что возмущен программой «5-ое колесо» (или «Взгляд»), в которых несимпатичные молодые люди еврейской национальности навязывают свои сомнительные мнения общесоюзной аудитории. Е.К. разослал письмо по Секретариату и поручил Слезко (замзав Отдела пропаганды) и Зайцеву (замзав Отдела культуры) – своим клевретам «разобраться и принять меры»: резолюция на письме.

Иван: Это - политика? Это – политика? Как можно!..

М.С. выслушал, не отреагировал. А в дальнейшем разговоре опять стал «выгораживать»: Я ведь его знаю много лет. Всякого видел. Он честный. Но культурки не хвата… уровень. Что поделаешь.

Тут встрял я: Михаил Сергеевич, невежество и отсутствие культуры – это в его положении политическая проблема. Это – опасно для всего нашего дела.

И вот потом он нам сообщил, что определяет его на аграрный Отдел и «разведет» с идеологией.

Вообще он тонко действует.

И мы по этому поводу выразили ему сочувствие. По-человечески понять можно: устранять людей, с которыми каждый день, каждую неделю на ПБ вроде одно дело делали… И вот теперь убирать: Громыко, Соломенцева - «это вопрос ясный». (М.С.), переставлять, отодвигать других… А сам выдвигается на «превосходящую всех» роль фактического президента. Да, это – благо для партии и страны. И альтернативы, если мы хотим, чтоб перестройка состоялась, нет у нас. Но и его понять можно. Он уверен, что он нужен стране именно в таком качестве, что нынешнее ПБ – не потянет и уже сильно мешает, что большинству в нем, как он сам выразился, «работы не найдется»…

Он максимум сделал, чтобы их вытеснение выглядело, как результат «объективного» процесса перестройки политической системы, а не результат его личных «симпатий и антипатий», его «личной» кадровой политики.

И тем не менее, по-человечески его осторожность и деликатность понять можно. И к тому же: встал из-за стола, чтоб подойти к телефону у другого стола, бросил: «не забывайте, что ведь и голосование в ПБ может быть»…

20 сентября 88 г.

Вчера вышел на работу М.С., возвратившись из Красноярска. Он увлекся рассказом о поездке, ходил, говорит, по краю, на острые вещи вышел. Беда - в кадрах: не умеют, не хотят, устарели, не способны. Но я выступил против хунвейбинства, против

«огня по штабам», круто завернул... Новым 1937 годом в перестройку людей не затащишь. Есть и умные люди. Но все это разрозненно, не сорганизовано, не знают, как... А партактив тянет в свою наезженную колею «под руководством и под прикрытием Егора»(!). [Решил выплеснуть мне затаенную свою мысль, замысел]. Я «похвалил» за экспромт в Шушенском (о новом мышлении по ассоциации с Лениным, который именно там впервые подошел к идее приоритета общечеловеческого над классовым). Разразился вдруг поношением Фролова. «Одно извинение, что философ» Идею общечеловеческого я увидел, перелистывая книги в комнате, где жил Ленин. И сразу зацепился.

Словом, он доволен. А нагрузки были адовы. И наговорил он много своевременных и нужных вещей: трудно – неизбежно. Будет трудно – переломное время. Проходим великую школу. И те, кто начал «проходить» в ней предметы перестройки, уже выдают результаты.

Материалы к беседе М.С. с Шароком, премьером Афганистана.

Ситуацию М.С. оценивает так: Шарок с Наджибуллой сговорились и, очевидно, хотят оттеснить НДПА от власти, либо добиться ее коренной трансформации. Они оба делают дела (вместе и порознь) помимо Политбюро и всяких министерств. Они – из очень немногих поняли, что мы действительно **уйдем,** и в срок! И поэтому сделали ставку на реальную коалицию, а не ширму для НДПА.

И пусть, считает М.С., для нас главная задача, чтоб не было кровавой бойни, когда мы уйдем. Ибо этого нам не простят, ни в третьем мире, ни в самых занюханных либеральных кругах Запада, 10 лет ругавших нас за оккупацию.

Беседа была с большими подтекстами в этом духе. В сообщении я этот подтекст постарался отразить. Послал его М.С. (редко это делаю, но на этот раз материя слишком деликатная). А он либо не обратил внимания среди других бумаг, либо решил – что так-то лучше: чтоб все «догадались и сделали выводы».

Не знаю, как он завтра отреагирует, когда увидит в газете.

25 сентября 88 г.

Неделя после больницы. В основном текучка. Из имеющего политическое значение: посоветовал Шеварнадзе, который просил дать личные замечания к его речи на Генеральной ассамблее ООН, не «педалировать» роль Совета Безопасности, хотя об этом сказано и на съезде и потом. Не «модно», всерьез с объективным процессом возвышать монополию великих держав в мировой политике. Индии это уже «открыто» не нравится. ФРГ, Японии – тоже. Не знаю, примет ли.

Яковлев допрашивал о том, что было в Крыму – не собирается ли, наконец, М.С. освобождаться от своего «самого верного перестройщика» (Е.К.). Я ему вернул идею, которую всем навязываю: М.С. не простак, он не хочет, чтоб считали, что он убирает лично неугодных, он хочет, чтобы в ходе политической реформы им «объективно» не оказывалось места.

Ваксберг об Алиеве в «Литературной газете» – приговор, за которым, наверно, ничего не последует. М.С. не хочет «расправ», даже если они заслужены, не хочет поощрять любителей «37 года наоборот».

Из прочитанного за неделю: помимо Тендрякова, Евгения Гинзбург (мать Аксенова) – в «Юности» – «Крутой маршрут»: талантливо и вновь ужас за то, в чем мы, я лично, жили. И что касается нас – 1-ой опытной им. Горького элитно-великолепной школы – мало, что видели, хотя и у нас из класса забирали Нину Гегечкори, например отцов у некоторых из нас. Но твердо помню, мы сочувствовали и по-детски помогали, а потом приняли ее обратно с состраданием, но и без ненависти к тем, кто над ней это проделал… Воспринималась политика, как какая-то высшая, стихийная сила, по отношению к которой неприменимы обычные человеческие критерии.

Отредактировал дискуссию на XIX конференции – обсуждение резолюций. Подошло время издавать стенограмму партконференции. А ПБ вынесло решение не публиковать, в частности, те речи, которые были представлены после дня окончания конференции. Решение такое, главным образом, чтоб не печатать Юрия Афанасьева, который, впрочем, опубликовал свою речь в «Правде» в конце июля с известными последствиями.

27 сентября 88 г.

Эти два дня М.С. занимался расчисткой Политбюро и Секретариата. Вчера с утра вызывал к себе по очереди. Начал с Громыко.

А сегодня провел Политбюро. Известные пока результаты:

Чебрикова – секретарем ЦК.

Яковлева – на международные дела.

Медведева – членом ПБ по идеологии.

Воротникова – председателем Верховного Совета РСФСР взамен Орлова, т.е. на менее властную позицию.

Долгих – на пенсию.

Демичева – на пенсию.

Лукьянова – в кандидаты ПБ и первым замом председателя Верховного Совета.

Громыко – на пенсию.

Добрынина – на пенсию (но пообещал ему потом взять личным советником «при президенте»).

Бирюкову – в кандидаты ПБ и зам. предом Совмина СССР.

Талызина вместо Антонова в СЭВ.

Соломенцева – на пенсию.

Странно, что он не возвел Болдина в секретари.

Торопит его то обстоятельство, что после его записки о реорганизации аппарата утечка, конечно, произошла, «и никто ничего не делает».

Заходил сегодня в Международный отдел, рады все мне. А один сказал: «Ну, что Вы, Анатолий Сергеевич, никто не работает, курят по коридорам и стонут: боятся на пенсию»…

30-го М.С. хочет провести Пленум, «все это затвердить» и быстро реорганизовать и сократить аппарат.

Вечером звонит мне по пустяку: программу для Де Миты (итальянский премьер).

- Ну, ты слыхал, наверно?
- Слыхал кое-что…
- Не прибедняйся… Ладно, пришли мне программу (для Де Миты) домой. А то я в состоянии аффекта сейчас.

Да, ему не позавидуешь. Каждому что-то сказать… и спровадить, а ведь он с ними три года перестройку делал. Правда, мало было от них толку, но они старались.

Добрынин позвонил после ПБ. Ну, говорит, вот и кончилось мое секретарство. Бодренько так говорит. Как обычно. Оно, конечно, силы еще есть и разум вроде не иссяк. Поэтому слово «пенсия» без восторга принял…

Но надо ему отдать должное: не хныкал, не жаловался. А я посочувствовал и прикинулся дурачком: мол, впервые услышал и удивлен!

В общем-то секретаря из него не получилось. Но мужик он неплохой и мне бы еще пригодился на американском направлении.

А в Международный отдел я ходил к Пономареву. Очень он меня жалостливо просил: «по делу, а не личное»… А дело такое. Он отдыхал в Болгарии (в обыкновенном санатории, после персональных дач-то!), там виделся со всякими отдыхающими из братских партий. И наговорили они ему о том, что негативизм в нашей печати подрывает им позиции. И надо, мол, учил меня Б.Н., давать позитив о наших достижениях.

Спрашиваю: какой же позитив?

- Ну, о завоеваниях социализма, что нет у нас безработицы, что здравохранение и образование бесплатны и т.д.

Я завелся: во-первых, безработица уже есть и будет, а здравохранение и образование в таком срамном состоянии, что и заикаться стыдно. Отпуска у них на Западе 5 недель, у нас – две. На наши пенсии прожить никто не может. Жизненный уровень в 2-3 раза ниже. О таких достоинствах писать? Опять демагогией заниматься? Тогда-то не верили, а уж сейчас подавно. Наши братья привыкли жить на иждивении у нас и на иллюзиях. А когда мы их оставили наедине с их реальностями, они оказались на мели. Нет уж, Б.Н.

Жалок он и смешон. Записку передал для М.С. – что, мол, надо обратить внимание на молодежь. Спасибо, М.С. так бы не догадался. Просил пристроить его к написанию какой-нибудь истории КПСС…

Увидел я, что хоть целыми днями он сидит в Международном отделе в этой полутемной комнатушке, мало что читает, мало знает о том, что пишут о перестройке. И уж совсем ничего не понимает.

3 октября 88 г.

М.С. осуществил свой план. Пленум – 30-го. Сессия Верховного Совета – 1-го в субботу. Он таки «выбрался» председателем президиума Верховного Совета. Я еще летом высказался против, но встретил алмазный неодобрительный взгляд. А потом, надо же кому-то делать реформу, не через партию же опять – нарушаем собственную заявленную логику. Однако, пост замазан Подгорным, Брежневым, да и вообще – после Калинина… И интеллигенция это встретила, как и следовало ожидать: «Это мы уже проходили»…

Недавно он мне позвонил по пустячному поводу. Я его поздравил (без эпитетов). Посочувствовал: как трудно ему по человечески это было провести. Сказал, что в общем получилось как бы – в объективном политическом процессе, а не из личностных

соображений. Рассказал, что ходило по Москве, как только узнали о Пленуме: мол, М.С. решил на все наплевать и подать в отставку, раз народ сам для себя ничего не хочет делать. Он смеется. Сказал, что первые французы догадались: все было сделано по заранее обдуманному плану Горбачева…

А потом, когда я вякнул насчет того, что теперь все сошлось на нем и уж невозможно никому будет ссылаться на помехи внутри ПБ. – Да, сказал он, нагрузка увеличивается. С одной стороны проще, не надо будет тратить время и силы на дипломатию и выслушивание болтовни, а с другой стороны – надо делать так, чтоб результаты вскоре появились…

9 октября 88 г.

В понедельник М.С. позвал нас с Шахназаровым. Лобызал его – 64 года. Составляли график встреч и визитов. Окончательно определился ехать 7-8 декабря в ООН, оттуда на Кубу и на обратном пути в Лондон – поговорить с Тэтчер. Походя «отвели» Квицинского в качестве зав. Международного отдела.

Прорвало его насчет Карабаха. Встал против нас: «Я хочу, чтоб по человечески, чтоб не дошло до крови, чтоб начали говорить друг с другом. Действует коррумпированная публика. Демирчан (первый секретарь КП Армении) собирает своих. Они подзуживают. А интеллектуалы обанкротились. Ничего предложить ведь не могут. Ничего такого, чтоб вело к решению. Но я и сам не знаю решения. Если б знал, я не посчитался бы ни с какими установлениями и с тем, что есть, что сложилось. Но я не знаю!»

Сказал вдруг об алиевщине (Алиев был уже в отставке). Копаем. И дело вроде образуется почище рашидовского.

Я воспользовался и рассказал ему то, что передал мне Шатров: Зимянин и Ю. Жуков подошли в перерыве на Пленуме к Чаковскому и произнесли: «Ну, сука, пожалеешь ты, что напечатал про Алиева!» (Накануне в «Литературной газете» была статья Ваксберга о делах Алиева при Брежневе и цитаты из его речей о Брежневе, о подарках, дворцах и взятках).

А в час он позвал Яковлева, Медведева, Лукьянова, Фролова, Шахназарова и меня: обговаривать идеи предстоящих политических акций. Долго рядили до тех пор, пока Лукьянов не напомнил о решениях XIX конференции. И быстро все уложилось: на ноябрьском Пленуме краткое сообщение Рыжкова о ходе РЭР и социально-экономической

программе до 2005 года, на сессии на другой день – об избирательном законе и поправках к Конституции.

А большой доклад Горбачева будет о сущности социализма и окончательной политической реорганизации на Съезде народных депутатов в апреле 89-го. (на Пленуме перед съездом – изложить его идеи). К тому же в феврале аграрный Пленум, где будет решен вопрос об экономических отношениях в деревне и о собственности. И это впишется в тему для съезда.

Сидели 3 часа. Отвлекались. Между прочим, он обругал статью в «Литературной газете» насчет отравления Сталиным Бехтерева за то, что тот поставил ему диагноз: параноик. … Чего ж мы тогда хлопочем, если Сталин сумасшедший?! Зачем история, теория и проч.? Как все просто.

Поговорил он и о том, что нельзя исключать и снятие редакторов, если «наносят вред» и «не внемлют убеждениям». Медведев в принципе стал возражать.

… Как назло на другой день стало известно, что Егор Яковлев («Московские новости») подал в отставку в знак протеста против увольнения Правлением АПН его зама Бандуры за то, что тот нарушил указание не придавать информации о суде над Чурбановым характера политического процесса над Брежневым («уголовный режим»). Узнав об этом, я пытался уговорить Егора (мол, не частное это дело в такой момент). Расспросил Фалина. Но он закусил удила – административный раж: нарушение дисциплины = наказание. Словом, Фалин и здесь и со своим «1937 годом», и с «холодной войной» сползает в лигачевщину по лично-интеллигентским мотивам. Обычная история на Руси!

Тем временем прошло собрание редакции «Московских новостей», где побывал Фалин. Ему там устроили… Он их всех назвал собранием анархистов и авантюристов. А его назвали бюрократом. Потом на собрании парторганизации «Московских новостей» даже цитировали М.С. с его последней встречи с редакторами: мол, поощряет зажим, хочет загнать журналистов в привычный загон контроля и цензуры, хотя сам же провозгласил: разрешено все (печатать!), что не запрещено законом. И вообще: «с таким Правлением АПН, приняло решение собрание, мы работать не можем».

Фалин доложил Медведеву. Тот сказал, что представил записку в ЦК.

Думаю, что кончится изгнанием Егора Яковлева по формуле Ельцина (сам подал в отставку) и … разорением «Московских новостей» без всякого Лигачева, который в отпуску, руками самих перестройщиков в лице Фалина (на Правлении голоса: 11 за увольнение Бандуры, 5 – за строгий выговор, но с оставлением в замах).

Вчера дорабатывал материалы для Ванцио и Де Миты. Дважды говорил по телефону с М.С. Звонил Шеварнадзе: ему пожаловался Бондаренко (из МИД'а), что, мол, Черняев настраивает Генсека «не вмешиваться в проблему вступления Австрии в ЕЭС». Я, действительно, ему врезал за великодержавный аккупационный подход к современному смыслу Государственного договора о нейтралитете Австрии – 1955 года. Интересно, чья возьмет…

23 октября 88 г.

Вроде сегодня не придется работать, в отличие от двух предыдущих выходных.

Вчера звонит М.С. Говорим о материалах к Колю. Обсуждаем его самого. Я ему: страна (ФРГ) готова идти далеко с нами, а он не готов. Он мне: а у нас наоборот – руководство готово и не только с ФРГ, а страна не готова…

В пятницу я, забыв, что в основном программу с Колем согласовали, решил, что не надо М.С. (помимо встречи один на один) еще и возглавлять переговоры (по формуле с Де Митой). Пусть Рыжков. Шеварнадзе поднял страшный шум. Звонил мне, говорил необычно для него грубо. И тут же позвонил М.С. Тот на меня набросился: «Кто такую глупость придумал?» Я говорю: Я. И сделал это сознательно. В конце концов, есть порядок: Вы – президент, он премьер. С итальянцами - другое дело, у нас с ними «душевные отношения». И кроме того, не Де Мита сравнивал Вас с Геббельсом. Не говоря уже о том, что Вы измотаны до предела и хватит мелькать на экране TV в Георгиевском и других залах, заполнять собой газеты, когда полки в магазинах пустые.

Он немножко смягчился. Стал сбавлять тон: Ну, что ты. Это же скандал. Нельзя. Словом, возвратил все на прежнее место.

А с Шеварнадзе у меня в это же утро был еще плохой разговор по поводу его предложения назначить зам. министра Карпова. Он и на этот раз говорил со мной в тоне: мол, знаю, что делаю и отвечаю за свои предложения. Таких стычек с Шеварнадзе у нас еще не было. Но он тоже пусть знает, что я сижу на этом месте не только для того, чтобы коммюнике post factum сочинять.

М.С. дал интервью «Шпигелю». Я долго и упорно на этом настаивал. Получилось у него великолепно: сидел и мерно размышлял с умными немцами вслух. Они – в опупении.

На ПБ в четверг (с которого я сбежал после первого вопроса) произошла, как раз по этому вопросу, яростная стычка между Рыжковым и Лигачевым (этот только что вернулся из отпуска, первое заседание, на котором он появился «с понижением»).

Обсуждался план на 89 год. Рыжков доложил – все подсчитали, все вылизали, еле балансы – и то с дефицитом – подтянули. Постарались не залезать грубо в средства предприятий и республик, словом, по возможности в РЭР. И, конечно, пришлось законсервировать или отменить много строек, в том числе задели и АПК, где десятилетиями сооружают мелкие объекты.

И вот встал Лигачев и патетически стал защищать продовольственную программу, интересы народа, проявлять заботу о простых людях, которым нечего купить и негде. И т.д.

Его разубеждали Маслюков, Слюньков, другие. Правда, поддержал Власов – новый премьер России.

И вспыхнул Рыжков: мол, вы вроде за народ, а мы, технократы, нам народ до лампочки. И пошел… Тогда Лигачев сделал заявление: он, мол, поставлен на пост защищать продовольственную программу для народа, ему дали сферу в разваленном состоянии. И пока он здесь, он будет отстаивать интересы народа.

М.С. по ходу дискуссии старался мирить их в обычном своем стиле, но после такого заявления: я, мол, раз так, тоже вынужден произнести речь И произнес! (Она записана у меня). Мол, если ты хочешь противопоставить себя ПБ, ты один – за народ, а мы неизвестно за что, не выйдет. И т.д.

Когда выходили Фролов мне шепчет: «Ну, песенка спета, дай Бог месяца два проживет».

Мне потом и Яковлев рассказывал: был у него интимный разговор с М.С. Тот нес Е.К. на чем свет… Кажется, окончательно убедился, что он гиря на перестройке, что мешал и будет мешать.

Я измучен: Враницкий, Де Мита, Сарней, Коль… и перманентные длительные дела по 12-14 часов.

Мне М.С. говорит: выдержишь?

Я: Это не имеет «исторического значения». А вот Вы… (это после того, как он сказал, что у него мерцание в одном глазу). В самом деле: конституционные дела, история КПСС, экономическая программа на 89 год и дальше, кадры, сотни повседневных дел…

28 октября 88 г.

Был Коль. Один на один с М.С. (в смысле плюс я и Тельчик). И вот когда наблюдаешь это стремление «на высшем уровне» говорить как человек с человеком (с обеих сторон), то физически ощущаешь, что мы уже вступаем в новый мир, в котором не

классовая борьба и не идеология, и вообще не противоположности и враждебность определяют, а действительно, что-то общечеловеческое – и понимаешь весь масштаб смелости и прозорливости М.С., который «без всякой теоретической подготовки» объявил «новое мышление» и стал действовать в соответствии со здравым смыслом.

Ведь это его идеи: «свобода выбора», «уважение ценностей друг друга», «баланс интересов», «отказ от насилия в политике», «общеевропейский дом», «отказ от ядерного оружия». И т.д. и т.п. – все это отнюдь не ново. Но ново, что человек, вышедший из советского «марксизма-ленинизма», из советского общества, порожденного и обусловленного с ног до головы сталинизмом, встав во главе государства, всерьез и искренне стал все это проводить.

И потому нечего удивляться, что весь мир поразился и восхитился этим. А наша публика до сих пор не может оценить, что он уже их перевел из одного состояния в другое.

Срабатывают еще и у него старые клише. Например, после «объятий» с Колем в первой встрече, когда тот, спустя пару часов на обеде произнес речь, где опять и опять – о «единой Германии» и о «Берлине»,… М.С. наутро советовался, как врезать ему при начале переговоров в делегациях. Даже заставил меня и Фалина написать «страничку», чтоб не забыть всей остроты того, что хотел сказать. И не сказал этого ничего… Потом будто «оправдывался»: мол, «о единстве» нужно было Колю, чтоб отбиваться от своих союзников и оголтелых у себя дома!

Третьего дня написал ему записку – протест по поводу предложения Воронцова-Варенникова-Зайцева устроить бомбо-ракетно-огнеметный погром муджахеддинам по всей территории Афганистана, чтоб сделать их уступчивее с Наджибуллой.

М.С. мне ничего не сказал. Но в своем кругу, во время сессии Верховного Совета, в «заднике» (за сценой, за чаем) стал резко выговаривать «в пространство», что вот, мол, есть такие, которые думают, что обойдемся одними уговорами и переговорами, которые предлагают фактически бросить Наджиба на произвол судьбы и т.д. Яковлев что-то вякнул в том смысле, что Наджибулла не стоит того, чтоб губить еще сотни и тысячи людей и рисковать престижем (насчет соблюдения Женевы). М.С. тут совсем разошелся (как всегда, когда внутри чувствует, что не прав, заводится и когда речь заходит о Ельцине или Карабахе). Остальные члены ПБ только поддакивали.

Однако, задело его, наверно. Яковлев из разговора с Язовым почуял, что М.С. дал ему какие-то «осаживающие» указания.

К началу сегодняшней записи - о разрушении догм и принципов, под которыми жили на протяжении двух третей XX столетия: Шейнис в МЭИМО – о социализме, Борко

в «Коммунисте» – о капитализме, двое в «Международной жизни» – о неоколониализме. И т.д. и т.п. в каждом номере серьезных журналов. Это – повальное разрушение столпов, на которых строился весь официальный «марксизм-ленинизм», которые изучали и в вузах и в ВПШ и по которым писались сотни книг и диссертаций.

Проскальзывает это и у самого М.С., например, в послесловии к советско-польской книге, которая только что вышла в Политиздате и в Варшаве.

Характерен и такой эпизод: Чебриков ему по поводу избрания Сахарова в Президиум АН: «незрелая у нас Академия». М.С. высмеял это сразу, как только положил трубку, сказав Чебрикову: пусть Сахаров ездит за границу, он показал, что он патриот и честный человек. Потом зло и ядовито рассказал об этой реплике Чебрикова Яковлеву. Чебриков – по поводу столкновения на ПБ между Лигачевым и Рыжковым сказал М.С.: «А Яковлев-то с Рыжковым - дружки».

М.С. сделал мастерский ход, убрав Чебрикова из КГБ, т.е. лишив рычагов и аппарата власти. А Секретарем ЦК – он бессилен против перестройки.

Но есть еще Воротников, так же Лигачев, да и Никонов, да и «болотистые» в ПБ. Есть еще ЦК – более, чем наполовину из снятых или отправленных на пенсию «по старости». Есть еще и чиновничество, которое сейчас сверху до низу уполовинивается и остается на мели… и хуже того, пристраивается в других местах.

Бывают у М.С. минуты, когда ему просто хочется поговорить «без повестки». Включает свой СК (прямой телефон). Было так три дня назад. Минут 5 говорили не помню уж о чем. Потом натолкнулись на тему, для которой понадобился Медведев. Стали говорить «втроем», перебивая друг друга.

И попутно он сообщает: Я, говорит, попросил Кручину подсчитать, сколько я стою народу. Тот подсчитал: за 10 лет, как я в Москве – 100 000 рублей, а отдал государству 850 000 рублей, в особенности гонораром за книгу «Перестройка и новое мышление». И это еще без валютной части гонорара.

Бурлацкий в «Новом мире» - паскудный опус о его роли в политике 50-70 годов. А ведь все - от тщеславия. Мелкота это – наши перестройщики перед прогрессом!

Яковлев просит, чтоб я походатайствовал перед М.С. об издании его статей и выступлений.

Много личного в наших политиках. (Может, это и хорошо. Ибо замешано не на заговоре против своего народа, как в 30-х, 40-х, 50-х, … до 1985 гг.).

3 ноября 88 г. Политбюро.

Сегодня – исторический день. «За повесткой» Политбюро М.С. посерьезнев и явно волнуясь, начал говорить то, что он «прогнал» в основном разговоре дня три назад в присутствии Шеварнадзе, Яковлева, Фалина и Добрынина (имея в виду свою поездку в ООН в декабре): т.т. Рыжков и Маслюков, другие товарищи задают мне вопрос. Он и в письмах, которые ко мне идут. Совсем недавно при встрече с комсомольцами я столкнулся с этим вопросом: спрашивают, зачем нам такая большая армия?, людей давно беспокоит этот вопрос.

Мы подошли к этой теме на XIX партконференции. И в докладе, и в тезисах, и в резолюции сказали, что нам нужно качество, а не количество…

Но теперь настал момент, когда надо принимать крупное решение. «Шашки» – да. Мы их делаем… РСМД и кое-что. Но это не меняет принципиально ситуации. И Э.А. сталкивается с этим каждый день… Сегодня Шульц опять об этом говорил. Объявленная нами военная доктрина расходится с тем, что мы делаем в военном строительстве. Ведь, если мы опубликуем, как обстоит дело (в два с половиной раза тратим больше США на военные нужды, ни одно государство в мире, разве что «слаборазвитые», которых мы заваливаем оружием и ничего не получаем взамен, не расходует на это столько в расчете на душу населения). Если мы предадим гласности размеры наших расходов, все наше новое мышление и вся наша новая внешняя политика полетят к черту.

Вот мы заявили, что готовы опубликовать данные, прижимаем на этом американцев, а когда действительно дойдет до этого, что будем делать. Но даже не это самое главное. Мы не решим задач перестройки, если с армией все оставим по-прежнему: лучшие научно-технические силы, лучшие производственные фонды, безотказное снабжение… Правы ребята-комсомолята: зачем нам такая большая армия?! 6 миллионов человек! А тут мне кто-то сказал, что предлагают призывать с 17 лет (Маслюков бросает реплику: пришел ко мне Ягодин с этим, но я отказался подписывать). Что же мы делаем? Выбиваем лучшие молодые силы из наших интеллектуальных ресурсов! Как мы будем перестройку делать! (Язов: к 9-ому я представлю предложения по всем этим вопросам… Наверно М.С. ему уже дал задание сразу после того разговора).

В ГДР мы имеем мощную ударную группировку, танковую. Плюс понтонные средства. Когда это «над ними» нависает, как они могут поверить в оборонительность нашей доктрины?!

И вопрос – о сокращении (пока о сокращении) нашего присутствия в соцстранах. Сегодня нам Э.А. рассказал о разговоре с Гросом. Сейчас, мол, проблема не так остра. Но она может обернуться остро при том положении, которое сейчас в Венгрии. И тогда не мы

сами, а нас оттуда... Дмитрий Тимофеевич! (маршал Язов) Говорят у тебя там войска занимают территорию, на которой какой-то исторический памятник мирового значения?

Язов: Там стоит разведбатальон и медсанбад. Церковь знаменитая. Но мы убираем их уже оттуда.

М.С.: Слава Богу! Хорошо хоть памятник-то уцелел! (Хохот).

Так вот товарищи, и эту проблему надо продумать и обговорить с друзьями.

Предлагаю Совету обороны все это рассмотреть. И еще раз вернемся на ПБ. Нет у кого сомнений?

Все кивают.

Рыжков (очень напряженно). Ответственно должен здесь заявить: Если мы этого не сделаем, нам не сверстать XIII пятилетки. Ни о каком подъеме жизненного уровня не может быть и речи. Какое угодно правительство поставьте, оно этой задачи не решит.

М.С.: Если мы все согласны и если выйдем на крупные решения, то думаю объявить об этом в своем выступлении в ООН.

Все: да, да...

М.С.: Это произведет огромное впечатление... Вслед за РСМД, вслед за Афганистаном эта акция... мир увидит: не болтовня – политика. И мы двинем весь процесс. И скажу так: при всем огромном впечатлении в мире... и для продвижения нашей мирной политики, главное, для чего это нам нужно, – перестройка. Прав Николай Иванович (Рыжков): без этого – не справимся мы с ней.

Вопроса нет: мы должны быть сильными в военном отношении. Но – за счет науки, техники, кадров, современной организации войск. Самолеты, ракетное оружие... Но не – как Камалю (развел руки по столу), который высасывает соки, а толку мало. Мы не можем не быть сильными. Это – аксиома. Но – для безопасности, а не для запугивания.

М.С. еще сказал, что речь идет об **одностороннем** сокращении, а не о том, что будет по переговорам с американцами и мандату Венской встречи.

Все это останется свидетельством того, что я присутствовал при событии, которое займет, может быть, второе место в истории после апреля 1985 г.

Кроме того, на этом ПБ обсуждалось снабжение Москвы продовольствием – полный ералаш и бестолковщина – что Зайков, что Месяц. И ни к чему не пришли, даже М.С. не нашелся.

О «Мемориале» шла речь... Капто уже начал «действовать», написал донос. Но М.С. отнесся так: мол, сами виноваты – на XIX конференции решили ставить памятник жертвам сталинизма и опять – все в песок... Вот общественность и взялась сама, а потом

за рамки вышла… (Капто уже клеит ей желание выйти на уровень «альтернативной политической структуры». И М.С. замял: в общем – изучайте!)

Обсуждался Солженицын. Фролов , я и Шахназаров написали ему (Горбачеву) «протест» по поводу записки Чебрикова и Медведева: «оставить в силе Указ о лишении его гражданства, как изменника Родины»…

М.С. воспринял нашу точку зрения: да – он враг, непримиримый и убежденный. Но – идейный, а за убеждения в правовом государстве не судят. Состава же «измены» нет. И вообще нарушены все нормы, даже суда не было. Так что «думайте». Авторы записки сидели красные. Чебриков вякнул: «Он передавал»… (т.е. было «действие»). М.С. на это хмыкнул.

9 ноября 88г.

Совсем поздно вечером мне позвонил Горбачев. Никого, говорит, по всем телефонам. От тебя семья еще не отказалась?.. Ну, раз напал на тебя, давай поговорим. И начал мне бурно излагать, что бы он хотел сказать народу на TV по национальному вопросу, особенно волнует сейчас Эстония.

Говорил минут сорок. Потом я попытался все это воспроизвести стенографистке. И отправил ему.

Сегодня от Шахназарова узнал, что этот текст уже у него – с заданием подготовить выступление.

Перед праздником Шеварнадзе представил М.С. гневную записку по поводу того, что военные (как 10 лет назад с СС-20) обманывают политику. Создают новые системы оружия, размещают мощные группировки вблизи НАТО, провоцируют натовцев своими разведдействиями и т.д. Словом, подрывают доверие к новому мышлению и к оборонительности доктрины.

М.С. разразился указанием: представить доклад!

Сегодня на Совете обороны занимались и этим. Но – главным образом – что сказать в ООН по одностороннему сокращению вооружений и вооруженных сил в Европе.

Шатров в «Огоньке» представил очень умное интервью: о «ленинизме», о Солженицыне.

В «Известиях» - интервью Глазунова (модный художник). Разделся. Мракобес и негодяй… Интересно, как восприняли М.С. и Р.М. этого своего любимца. И как выглядит

теперь Лигачев, который открывал его выставку в доме молодежи на Комсомольском проспекте летом, а потом дал ему TV, газеты и прочую рекламу.

Короленко. Письмо Луначарскому в 1920 г. Это в духе тезиса Шатрова о снятии святочных одежд с нашей революции… Но, если она перестает быть легендой, геройством, зачем она нам теперь? Хуже и ужаснее, чем у французов. 200 лет спустя их революции, они не скидывают с нее романтических покрывал, даже ее идейные враги – реакционеры!

13 ноября 88 г.

Последние дни ушли на подготовку материалов поездки М.С. в Индию. Разумеется, были «исходные» от МИД'а, Каменцева, Международного отдела. Но меня удивляет уровень этих заготовок: будто люди не читают Горбачева, не знают его философии, его образа мысли и его стиля говорить.

Хуже того: МИД дает оценки, которые расходятся с официальными оценками Политбюро.

И еще: каждый день почти в любую актуальную проблему приносит какую-то новую информацию. А заготовки представляются Генсеку так, будто они написаны месяцы назад.

И еще: пишут тексты – речи на десятки страниц, будто Брежнев и Черненко по-прежнему на своих местах и будут эти тексты зачитывать «в лицо» своим собеседникам.

Вот из такого говна я должен каждый раз делать что-то приличное – чтоб не смешно было показать М.С., у которого минимум времени, чтоб это «освоить» А он именно осваивает материал перед каждой своей международной встречей.

В пятницу днем после какого-то внутреннего совещания звонит М.С.: «Толя! Нужно ведь сделать какой-то международный кусок для речи в Орле (он собрался на 2 дня туда, толкать перестройку в этой части России). Что бы им сказать? (соберутся секретари обкомов). Стали рассуждать. Вечером я ему послал текст. Но сделал так: позвал Вебера и Ермонского. Продиктовал им то, что мы придумали с М.С. Через 3 часа они мне принесли текст. И я за 2 часа его переписал и послал. Реакции нет со стороны М.С. Значит, принял. Там он хочет сказать, с чем поедет в ООН и к Маргарэт.

Вчера докладывал индийские материалы.

В «Новом мире» статья Лебедева об эстраде… Все идет к тому, что общественное мнение (и печать) будут воспринимать, освещать и оценивать социализм в Советской

стране так же, как, например, mass media в Англии свое общество. Т.е. не как ангажированное, а как «свободное», думать о нем, что угодно, а не что позволено.

Сегодня был в Манеже на выставке молодых художников, посвященной 70-летию ВЛКСМ. Как искусство – профессионально слабо. Но это – такая мощная фотография смятения духа в стране и раскрепощения призвания, таланта, способностей, склонностей к творческой энергии!

15 ноября 88 г.

М.С. вернулся из Орла. Доволен. Еще бы: первые реальные плоды перестройки в главном – в продовольствии, в жилье, на селе. И какие люди!

Но встречавшие его Медведев, Слюньков и Чебриков, только что вернувшиеся из Латвии, Литвы и Эстонии, вылили на него три ушата холодной воды. Как говорится в быту, все трое «в ужасе». Их днем и ночью пикетировали с плакатами: «Русские, убирайтесь вон!», «КГБ, МВД, Советская армия – в Москву!», «Долой диктатуру Москвы!», «Немедленный выход из Союза!», «Полный суверенитет!» и т.п.

Фанатизм, истерия уже захлестнули разумное. Интеллигенты в разговоре говорят одно, на митингах в присутствии тех же Медведева, Слюнькова, Чебрикова – прямо противоположное. Полный национальный консенсус.

Чебриков о конкурсе красоты, где девку в бикини спросили: что бы она сказала Чебрикову, если бы встретила его на улице,… «а он, мол, топчется у нас здесь». Она, помявшись и поглаживая грудь: «Оставьте нас в покое!»

Словом, грядет «Чехословакия» 1968-го или … Финляндия 1918 года… М.С. должен делать выбор. И то и другое очень опасно. Но первое – гибель перестройки и нового мышления. А русский шовинизм плюс консерватизм во втором варианте можно, пожалуй, и выдержать, если за Орлом последуют и другие области.

27 ноября 88 г.

М.С. по TV в президиуме Верховного Совета, обсуждается Эстония. Убожество выступлений. Напрасно он затеял этот публичный показ. У нас же не умеют вести «парламентские дебаты». У нас умеют осуждать, поддакивая угадываемому поручению, даже, как теперь в эпоху перестройки, если оно не дано. Да и у самого М.С. не нашлось аргументов, чтобы убедительно показать несостоятельность эстонцев. Пустился в экономические подсчеты: сколько республике дают и сколько она дает. Но им не нужно и

никогда не было нужно то, что им 40 лет «давали». А что касается «изоляции», «натурального хозяйства», им это никак не грозит: стоит им уйти, как финны, шведы, норвежцы, датчане, ФРГ и US – возьмут их на иждивение и через полтора-два года Эстония превратится в «конфетку» послаще Финляндии.

Нет выхода, кроме как перезаключать договора между республиками, т.е. начать с того, с чего начинал Ленин, выступив против сталинской «автономизации». Я почему-то уверен, что если дать им полную свободу решать, не навязывать, они, как и латыши, литовцы проголосуют за Союз, но за самостоятельное пребывание в нем. И это хорошо! Сам же М.С. говорит, что пусть каждая республика имеет тот уровень жизни, какой заработает, как любое хозрасчетное предприятие.

Нет. Я слишком русский, чтобы осуждать эстонцев.

В пятницу зашел Яковлев. Рассказал об эпизоде, который произошел в «ореховой комнате» перед заседанием ПБ. А на ПБ стоял вопрос как раз об Эстонии, о поправках к Конституции, о событиях в Азербайджане, где уже жгут БМП, БТР и даже танки, военные грузовики и убили трех русских солдат, а в Баку ходят с зелеными флагами и с портретами Хомейни, требуют устроить повсеместный Сумгаит армянам.

И вот в этой обстановке Лигачев опять начал гнуть свое: я, мол, говорил еще в феврале – надо власть употребить, надо порядок навести, надо всем этим показать! Сколько можно терпеть? Распустили, все разболтались, развал начинается в государстве и т.п.

М.С. сначала иронически слушал, подначивая, а потом взорвался: Что ты меня все время пугаешь, Егор?! Что ты все время суешь под нос: вот, мол, твоя перестройка до чего довела! Куда, мол, идем! Что происходит! Но я был и буду за перестройку. И не боюсь того, что разворачивается. Если вы (обращается ко всем членам ПБ) считаете, что так нельзя, что я делаю что-то не то, пожалуйста, идемте в соседнюю комнату (показывает пальцем на зал заседаний ПБ) и я подаю в отставку. Тут же! Ни слова обиды или протеста. Выбирайте кого хотите и пусть ведет дела, как знает. Но пока я на этом месте, я буду вести эту линию и не отступлюсь ни за что!

... Разговор будто бы на том и кончился, пошли на заседание. Но заводилой при начале разговора был не Е.К., а Воротников. Лигачев же «включился» в струю.

Вечером после Политбюро М.С. позвал к себе Яковлева. Был расстроен, хотя ему «отвлекаться» на это некогда (утром был уже на ВДНХ – механизация из оборонки для сельского хозяйства), а потом Миттеран, потом Президиум по Эстонии и накануне сессии, потом опять Миттеран, подготовка доклада на Пленум (он – завтра) и на Сессию Верховного Совета (29-1.XII).

Поговорили. Я, говорит Яковлев, ему: Михаил Сергеевич! Я уже говорил Вам – обиженный человек не может быть помощником, да еще, если он и в душе – противник перестройки.

Всего неделя как мы из Индии. А кажется, это было несколько месяцев назад. К ООН, Кубе и к Тэтчер, он еще не начал готовиться. Правда, на ПБ обсудили: одностороннее сокращение вооруженных сил (явно мало!), «права человека» – выпустить всех политических, списать долги «третьему миру». МИД сделал по этим трем пунктам заготовку – текст длинный и витиеватый в духе Толи Ковалева и Петровского. Утвержденный Э.А. он послан был в понедельник М.С. Что же касается «философской» части – там красивая болтовня, на словесах хотят выехать.

Еще до Индии я попросил Вебера и Ермонского подумать. Бурно изложил им свои намерения продвинуть «новое мышление» уже за счет наших идеологических канонов. Они дали кое что. На этом я и построил текст (с включением конкретных тем, представленных МИД'ом). Самому мне это нравится. 27 страниц. Отправил ему вчера вечером, писал всю эту неделю, забросив оперативную подготовку к Нью-Йорку и Лондону, за что на днях получил выволочку от Раисы Максимовны. Едва удержался, чтоб не сказать ей такое, что сделало бы на другой день меня пенсионером. Бабские штучки, претензии президентши. Может быть, и обоснованно. Но почему – ко мне? Там целые отделы и ведомства – в МИД, в посольствах! Десятки людей – лбов, которые только этим и должны заниматься. И она прекрасно знает, чем я занимаюсь и сколько у меня времени, чтоб еще в протоколы вникать! Но уже атрофировались, видно, и деликатность, и чувство подлинной реальности, а не дворцовой.

<u>4 декабря 88 г.</u>

Послезавтра лететь: Нью-Йорк (ООН) – Куба – Лондон. Испепеляющая работа: по 14 часов рабочий день. Ни суббот, ни воскресений. Речь в ООН – на 30 страницах, только позавчера он прочитал заготовку и за вчерашний день я перекантовал по его замыслу. Он доволен был текстом (набором мыслей и формой), но конструкция его не устраивала... и надо было выбить яковлевские вторжения, на которые он сам его поощрил. А теперь я перед А.Н. должен «оправдываться».

И хотя эти вторжения были все таки мной адаптированы, выглядели они все равно напыщенно и создавали повторы.

Новое?

1) продвижение в новом мышлении, все дальше от «марксизьма-ленинизьма»;

3) по правам человека – ликвидация политзаключенных и «отказников»;

4) отпущение задолжности «третьему миру»;

5) одностороннее сокращение войск, в том числе в ГДР, ЧССР и ВНР.

Сенсация будет.

А кроме того, масса заготовок для его выступлений в Нью-Йорке и материалов (и справки) для бесед – в том числе с Рейганом, Бушем.

И все это я или через меня.

А между тем бушует Прибалтика, в Армении и Азербайджане за неделю около 50 убийств, идет сплошной межнацразбой, 50 000 беженцев, дети на морозе, разграбленные дома и квартиры, сплошная забастовка, диверсии на транспорте и т.п.

М.С. провел таки сессию Верховного Совета по своему. Был опять великолепен. И каждый раз после своих экспромтов во время произнесения речей звонил и «хвалился», что сдержал еще победу. (Говорит: мол, самого себя похвалить – морально поддержать). Нагрузки нечеловеческие и трудно понять, как он выдерживает.

Эстонцам и подобным пошел на большие уступки, убрал провокационные (двусмысленные) поправки к Конституции вывел обещаниями второго этапа политреформы из кризиса ситуацию с республиками. И это несмотря на то, что хотя ему на ПБ (тем более на Пленуме) никто не возражал, большинство «поджало губки» и не одобряет его либерализма. Они чувствуют, что он готов пойти очень далеко по пути «федерализации» Союза. Недаром он оставляет в качестве …….. самые общие вещи! Октябрь, социализм, верность ленинскому выбору, а об остальном, мол, сумеем договориться.

Но реакция российской части империи его беспокоит. Несколько раз в разговоре один на один ссылался на то, что «великодержавные» потенции угрожающе урчат. (А мне кажется, что в русском национализме сейчас верх будет брать «не единая и неделимая», а национализм как таковой: пошли они все эти эстонцы и армяне к ё… м…!).

Народу-то, видимо, действительно начхать. А вот антиперестроечники создают фон: мол, разваливает Советский Союз – великое наше завоевание.

М.С. спрашивал и меня, и, как я узнал, Шахназарова и Яковлева: неужели прибалты, действительно, хотят уйти?.. Я ему ответил: видимо, да. И дело дошло далеко, если даже народная артистка СССР Вия Артмане публично говорит о «40-летней оккупации Латвии». Он в ответ – то ли дурака валяет, то ли всерьез думает, что они «погибнут», отделив себя от остального Союза.

Захват автобуса с 30-тью детьми в Ордженикидзе, перелет в Тель-Авив, поведение евреев – безукоризненное. Это им зачтется во всем мире. А в наших передачах по TV – даже ни слова признательности. Сидит это самое еще в нас!

В «Октябре» печатается Нина Берберова. Какой слог и какая точная информация! Именно потому, что она изнутри и в высокохудожественной форме, - о Горьком, Пастернаке, Мережковском, Гиппиус, Бунине, Ромэне Роллане и всей советской «общественности» 20-х годов – с того угла.

17 декабря 88 г.

М.С. болеет. Простудился в Армении, скорее подхватил что-то. Говорит, «высев» инфекции, ломает, дурманит. Уже целую неделю не появляется в ЦК.

Расскажу пока, что было в ООН.

Нью-Йорк. Прилетели 6-го. Встреча в аэропорту более, чем скромная, триумфа не обещала. Чтоб «развлечься», он назначил встречу с нашей командой (так называемой пресс-группой), которая прибыла заранее и готовила американцев к Горбачеву.

Чай для 40 человек. От Марка Захарова до Лисоволика. Выпендривался Арбатов, Зорин, Шишлин. Умен был Добрынин. Краток Познер.

Напротив за столом М.С. усадил Банониса, Васильева, Абуладзе и Марка Захарова. Кто-то рассказывал о знаменитом в мире художнике – литовце, который живет в Израиле, просоветчик и хочет написать портрет М.С. Его реплика: Ну, когда начнем портреты и ордена – перестройка кончилась.

В этот момент я смотрел на Захарова, который, оказывается, за сутки до этого на пресс-конференции заявил, что противников перестройки в СССР – большинство.

… Зорин хвалился, как он «отмывал» пресс-группу от этого заявления.

Распустив почти всех, М.С. оставил десятерых, чтоб «пройтись» по программе на завтра. Я почувствовал, что он не хочет «лишних» публичных выступлений и интервью.

А утром я ему показал краткую и невнятную телеграмму о землетрясении. Ни он, ни я не придали ей значения. ✓

Потом ООН… по коридорам толпы чиновников встречали его овациями…

Я внутренне был уверен, что речь произведет впечатление. Но такого все таки не ожидал. Час набитый зал не шелохнулся. А потом взорвался в овациях. И долго не отпускал М.С. Ему пришлось вставать и кланяться, как «на сцене».

Сразу оттуда на Губернаторский остров. По улицам еще не густо народу…

В машине он говорил по телефону с Рыжковым и узнал, что землетрясение в Армении – ужасно.

21 декабря 88 г.

Америка. Да, видимо, и не стоит подробно излагать – все в печати. Но феномен Горбачева – это, действительно, само переломное движение истории... Открытие (по крайней мере для нас, но и для «них») ее простого человеческого смысла уже, оказывается, возможно в наше время.

И как все это у него просто – и даже обыденно – получается. Вот в самолете – позвал меня, Шеварнадзе и Яковлева, начал «ковыряться» в фразах, в абзацах... попросту, вроде бы обычное дело. Но ведь «выпрямлял»-то историческую акцию. Или – как он принял решение об отъезде из-за Армении. Собрал помощников и делегацию – 8 человек после приема у де Куэльяра. Сидит в рубашке, рядом Раиса Максимовна. Просил принести водки и полный ужин. Первый стакан – поблагодарил «всех» (но выразительно посмотрел на меня) за помощь в подготовке речи. Уже понял, что это была больше, чем сенсация... Триумф, который не утихает, несмотря на землетрясение.

Потом вызвал Плеханова («9») и: «Завтра утром улетаем! Ты, Эдуард Амбросиевич, сейчас созови корреспондентов и объяви причины... Ты и ты (мне и Шаху) отправьте телеграммы Тэтчер и Кастро, что не приедем»... Потом несколько раз возвращался: «Правильно... Иначе нельзя! Я бы себе не простил!» Т.е. колебался. Искал у нас поддержки. А ведь это тоже было историческое решение.

Еще в самолете на обратном пути не был уверен, что полетит в Армению. Выходил к нам из своего салона. Говорил о том, о сем. А во Внуково, как только встретился с ПБ – сразу решил. Прощаясь, сказал: «Надо ехать!» И это тоже была историческая акция, которую не смог затмить самоотверженный Рыжков, который там, на месте, уже две недели – насмотрелся ужасов и наладил все «собственными руками».

После Армении М.С. все еще болен. Общаюсь с ним записками, напоминанием о телеграммах и по телефону, когда он звонит. Отправил ему «итоги Нью-Йорка» для Политбюро (оно будет 27.12), а потом каждый день какие-нибудь дела.

- Безыменский разыскал в МИД'е. ФРГ новые данные о протоколе к 23 августа 1939 года. Пишет мне записку: пора признаваться.

- Записка украинских сейсмологов, которые много лет как предсказывают землетрясения... и армянское предсказали, выступая на семинаре в Томске в июне 1988 года.

- Речь Яковлева в Перми с очень смелым движением в русле нового мышления со своим комментарием.

- Записка вместе с Шахназаровым о том, что пора разобраться со странами «соцориентации», которые сидят на нашей шее и совсем не приемлют ни перестройки, ни нового мышления. М.С. начертал на ней «хорошо» и велел готовить концепцию для ПБ к концу февраля.

- Записка о Кубе, что туда не надо вообще ехать и, наконец, сказать «Бороде», что мы о нем думаем и о том, что хватит быть революционером за счет 1/5 части прироста советского национального дохода. М.С. отреагировал: «Если и поеду, не раньше декабря». (Явно ерничал!).

- Гнусная просьба Пономарева оставить ему дачу.

- В связи с моим отпуском М.С. поручил Добрынину готовить материал к встрече с «Трехсторонней комиссией» (Накасонэ, Жискар, Рокфеллер, Кисинджер, Бжезинский…) 18 февраля. Но тут же позвонил мне, усомнившись, что у Добрынина получится («он думать-то разучился давно») и просил подключить к этому Загладина, а мне - провести «тройственное» совещание нас троих.

- График его встреч и поездок на первую половину 1988 года. Оставляет он минимум. Но потом много наползет. Буду в меру своих сил сопротивляться: нельзя его превращать в проходного собеседника, а ломятся все. Это стало знаком – «чего ты значишь у себя дома и в международной политике, если тебя не принял Горбачев!».

- Протест против навязывая Разумовским и Болдиным «своей» структуры Международному отделу ЦК (М.С. поддержал меня).

Некоторые знакомые говорят: все ругают М.С. и особенно Раису. Никто ни во что не верит. И это идет из академических кругов. Если так, то совсем грош цена нашей так называемой интеллигенции.

До М.С. что-то доходит в этом плане, особенно насчет пустых полок в магазинах. Это отражается в разговорах о перестройке.

На третий день, как он заболел, был такой разговор с ним по телефону. Спрашивает: какая моя оценка реакции на ООН. Я сказал что-то вроде «самого хода истории» и что это чувствует все большее число людей.

Он: «Да. Я уверен, что выбрал правильно (я понял, что он говорит о внутренней перестройке). Если б я почувствовал, что ошибся, я сразу бы попросился в отставку. Но я уверен, что иного не дано, что правильно пошли. Но ох! Как трудно еще будет, Толя!»

Я не пометил своего начинания вот о чем. Под впечатлением удачи и «громкой славы» речи в ООН я вновь подумал о том, что наша ученая публика будто и не замечает

того продвижения в «новом мышлении», которым отмечено почти каждое крупное выступление М.С. Не заметил и этого, и в его выступлении перед польскими интеллектуалами в Варшаве и т.д. А вот западногерманские, английские, французские, даже американские газеты заметили, что он все больше «отходит» от марксизма-ленинизма. А наши – опять только об инициативах!

Сказал Фалину, что надо бы посадить Вебера и К° за большую статью для «Коммуниста» – где проследить бы эволюцию нового мышления после XXVII съезда и одновременно проанализировать, как уже ринулись в «прорывы», созданные М.С., наши ученые – передовики в разных научных журналах, в первую очередь – в «МЭМО», в журнале «Рабочий класс и международная политика», в художественных толстых журналах, в книге Ю. Афанасьева и т.д. Где глупостей наговорили, а где и действительно идет раскрепощение настоящей мысли.

Фалин мне: я бы за, да вот – Медведев ревниво смотрит на любые вторжения в его сферу. «Это я беру на себя», – заявил я нахально и самодовольно. И в самом деле: пока могу, буду брать на себя, в эпоху гласности даже малые шаги становятся необратимыми.

31 декабря 88 г.

Последний день великого и драматического года. Действительно, без дураков и демагогии, переломный.

Я вроде бы с 24 декабря в филиале Барвихи возле Домодедово. Но был там на самом деле всего дня три.

Яковлев звонил туда, рассказал о ПБ, где обсуждался Нью-Йорк. Призвал меня быть «на чеку» – как бы метод выборов «от партии» не привел на Съезд Советов кодло в лице Бондарева, Иванова, Алексеева и т.д.

Прислал мне философическую записку – поздравление и две бутылки болгарского. Что-то его тянет ко мне.

Аня (дочь) устроила реванш для Рубби (член итальянского парламента). Он был с женой, Верой, бывшей советской. Остра, умна. В эпоху еврокоммунизма у нас ее считали самой зловредной антисоветчицей. Еще был Попов (переводчик с итальянского) со своей Наташей.

Поговорили интересно: о перестройке, о нашем ИКП-КПСС недавнем прошлом, о Горбачеве, Берлингуэре. И о том (я поставил вопрос), что будет с мировым революционным прогрессом, когда мы, СССР, перестанем быть мировой военной сверхдержавой?..

В самом деле. Сейчас эйфория на Западе в отношении нас потому, что Горбачев осмелился отказаться от этого статуса и снял «советскую угрозу»... Ну а в остальном-то, без этого – зачем мы им – развитому Западу, каков у них может быть интерес к нам, скажем, по сравнению с Латинской Америкой, Китаем?

Любопытство? Да... Все таки Толстой, Достоевский и проч., на которых строятся мировые мифы в отношении нас.

Проблема... Хорошо, если – мировая. А если – провинциальная, и только наша?

Рубби привез от Оккетто (генсек ИКП) просьбу о встрече с М.С. Я М.С. говорил и ранее. Он ответил: «Не ясно!» Теперь, после разговора с Рубби, написал ему вчера большую записку, предлагаю на 13 января. Интересно, как отреагирует.

В газетах, журналах, на TV идет раскардаж (по итогам года и в связи с Новым) всей нашей 70-летней системы. Никто уже не стесняется никаких терминов – вплоть до тоталитаризма. «Колхозы и совхозы» объявляют ошибкой «с самого начала». Эмиграцию объявляют почти всю хорошей, «перед которыми мы, Родина, виновата» А она де - единственное наше богатство – «духовный потенциал», по большей части растерянный и загубленный за эти 70 лет.

На TV то и дело мелькают митрополиты и епископы, которых участники «собеседований», в том числе мальчишки и девчонки величают их – «владыко»

Прав Гавриил Попов (вчера по TV) – в 1989 году ничего не произойдет заметного «в положении жизни», хотя новые тенденции будут. Но – и это, видимо, внутренний замысел, а может быть, объективная логика начатого Горбачевым (и он не хочет этому противостоять, хотя слова еще говорит «сдерживающие»): режим, созданный за 70 лет должен распасться, должно его развалить и только тогда общество «из чувства самосохранения» начнет создавать себя заново. И – никаких догм прошлого, будь даже они «ленинские»!...

Попов прав в смысле экономики. Но с точкой зрения дальнейшего развала режима 1989 год принесет очень много. Вот какой темп «неуправляемости» пошел!

* * *

1988 год. Итог и значение.

Он стал переломным, причем не в лучшую сторону. Объявленные намерения Горбачева и его действия не смогли придать перестройке устойчивость.

В этом году (разумеется, в продолжение намеченного ранее) Горбачев, поначалу при опоре на Политбюро, сформулировал, можно сказать, стратегию перемен и принял более или менее решительные меры, чтобы сделать их необратимыми. Его непримиримость к попыткам и требованиям коллег обуздать гласность, поставить заслон возникновению независимых от КПСС групп и организаций способствовала превращению гласности в реальную свободу слова.

Горбачев окончательно и твердо отмежевался от ностальгии по сталинизму и бесповоротно осудил его, воспользовавшись «делом Нины Андреевой». Наиболее доказательное отражение эта позиция нашла во время его встреч весной с тремя группами первых секретарей обкомов КПСС – «генералитетом» партии. Подготовив на свой манер XIX общесоюзную партконференцию, он положил начало реальному отделению партии от государственной власти. Провел в этом контексте крупную реорганизацию центрального партийного аппарата и вывел из Политбюро и Секретариата ЦК унаследованные от брежневских времен фигуры. Ответом было формирование «партийной» оппозиции перестройке по–горбачевски, его личному авторитету, его власти.

Крупных мер по нейтрализации и пресечению этой оппозиции Горбачев не принял – по моральным соображениям и потому, что это противоречило самим принципам его реформаторских замыслов, его установкам на демократизацию строя. Но тем самым был дан простор для разрушительной деятельности – как со стороны ее противников, так и со стороны ее ультрарадикальных сторонников. В результате заменить партийно–государственную власть гражданской властью Советов не удалось.

Совершив поездку в Красноярский край, Горбачев воочию увидел, что на четвертом году перестройки ее не с кем продолжать, нет кадров, способных и искренне желающих осуществлять коренные преобразования, да и просто работать по–новому, «в условиях демократии».

На это наложилось неожиданно быстрое разрастание национальных проблем и противоречий. Горбачев увидел их опасность уже тогда, но затянул формирование новой национально–федеральной политики (которая, как показало развитие событий, все равно бы не спасла страну от развала).

Государственный механизм стал расползаться.

1988 год вскрыл неэффективность начатых рыночных реформ (а по сути вообще их невозможность в СССР). Отход от советских методов планового хозяйства и инициированные Горбачевым нововведения резко ухудшили экономическую ситуацию, а с ней и всю психологическую атмосферу в стране. На этой почве освоенный

интеллигенцией и обиженными аппаратчиками «плюрализм мнений» позволил быстро «раскрутить» массовое недовольство политикой перестройки, самим характером горбачевского лидерства. В свою очередь это дало импульс к превращению критики «деформаций социализма», «отступлений от Ленина», в обвальное развенчание марксизма–ленинизма как идеологии и теории, началось отторжение социалистического строя вообще.

Но 1988 г. – это и рубеж отхода самого Горбачева от марксистско–ленинских подходов к оценке внутренней и, особенно, международной ситуации. Ярчайшим, можно сказать, историческим событием в этом смысле явилось его выступление на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Политика «нового мышления» была на деле подтверждена уходом (хотя и запоздалым) из Афганистана. Решение о выводе войск – само по себе – событие значительное. Но не менее знаменательной была длительная и совершенно необычная для советского руководства дискуссия вокруг «афганского вопроса». Она означала, что отныне навсегда и повсюду, **в принципе** изымается экспансионистский элемент из международной деятельности СССР.

1988 год дал очевидные результаты усилий Горбачева по коренному изменению международной ситуации, холодная война практически сходила на нет. В этом томе приведен ряд ярких свидетельств того, насколько глубоко, фундаментально переменились все мировосприятие Горбачева, его взгляды на сам смысл и предназначение мировой политики, на ее методы, насколько радикально и окончательно он порвал со всей советской идеологией и практикой прежней политики.

Из записей, включенных в том, видно, что автор их продолжает восхищаться историческим подвигом Горбачева, хотя и все меньше верит в успех его замысла. В отношении помощника к своему герою все заметнее различие в оценке Горбачева как великого государственного деятеля и как личности, способной противостоять соблазнам власти в повседневной жизни, в отношениях с людьми.

Если правомерно говорить о трагичности судьбы Горбачева (в большом, шекспировском смысле), то именно в 88–м году не только его помощник, но и сам Горбачев впервые это почувствовал.

Для многих знáком Свыше этой судьбы явилось страшное армянское землетрясение, будто завершившее год.